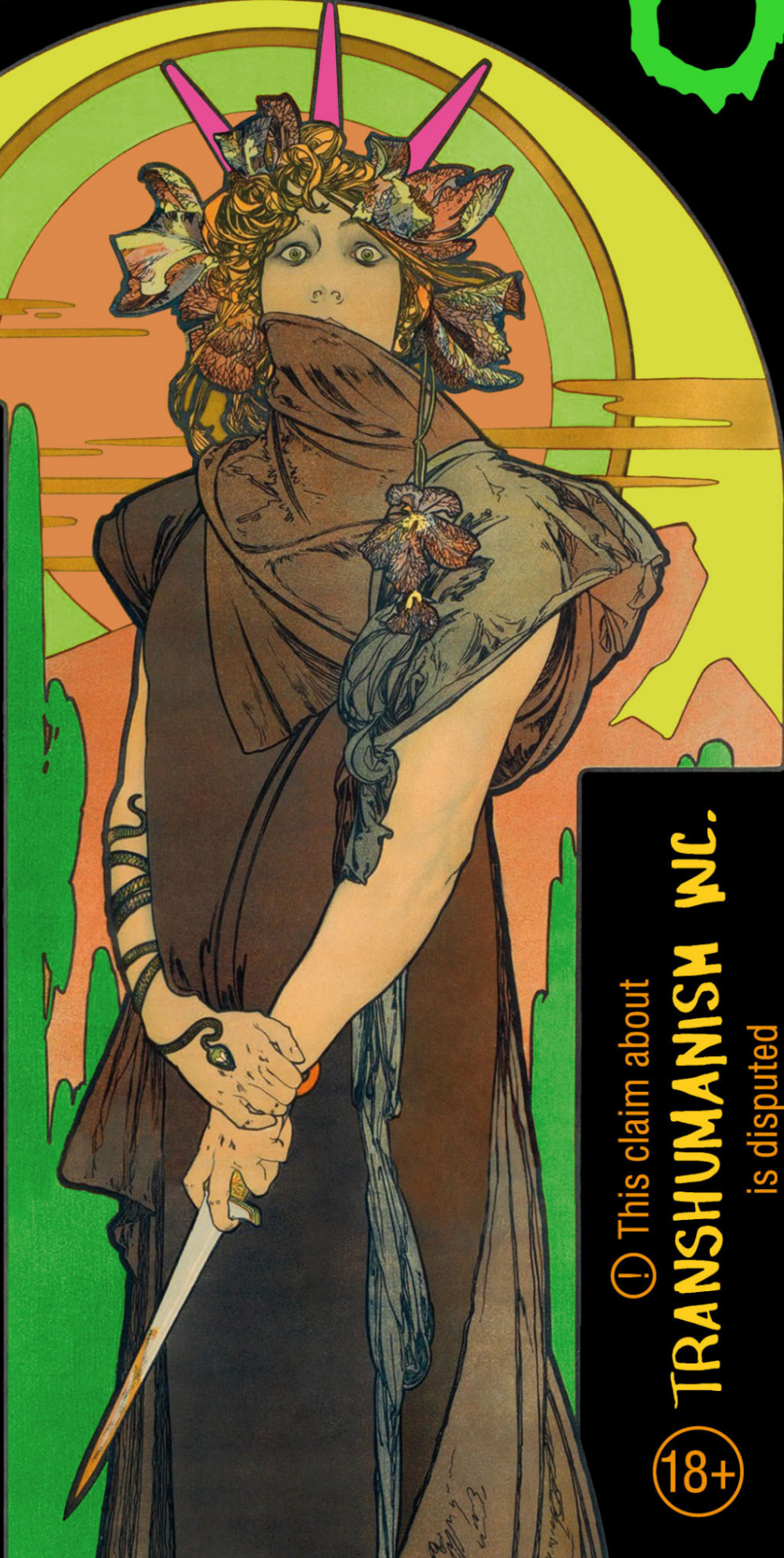

ВЫКТОР ПЕРВЫЙ

КАУТБ

ⓘ This claim about

TRANSHUMANISM INC.

is disputed

Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин

Виктор Пелевин

Круть

«ЭКСМО»

2024

Пелевин В. О.

Круть / В. О. Пелевин — «Эксмо», 2024 — (Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин)

ISBN 978-5-04-211278-2

Идет третий век Зеленой Эры. Имплант-коррекция “Открытого Мозга” превратила женщин в доминантный гендер, и в уголовной иерархии изменился баланс сил. На ее вершину поднялся фем-блатняк - безжалостные куры-заточницы. Противостоять им не может никто из биологических мужчин, но есть нюанс. Маркус Зоргенфрей - лучший баночный оперативник “TRANSHUMANISM INC.” Задания, которые поручает ему адмирал-епископ Ломас, настолько чувствительны, что после них ему стирают память. Он не стал бы вникать в арестантские разборки, если бы не страшная опасность, нависшая над планетой. Как связаны разрушенный Светом ад и Мезозой? Что такое магия высших духов? Почему древнее зло нашло себе новое воплощение в сибирской ветроколонии? При чем здесь могила Париса, демон Ахилла и в чем тайна зловещей Варвары Цугундер, которую куры-заточницы считают своим ментором уже сотни лет? Остросюжетный триллер-детектив “Круть” даст ответ на многие мучительные вопросы, которых никто еще не решался задать. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-04-211278-2

© Пелевин В. О., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	7
В отказе от Крутилова	11
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виктор Пелевин
Круть

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

КРУТЬ

Москва
2024

©В.О.Пелевин, текст,2024

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,2024

Описанные в книге люди, баночно-мозговые сущности, события и обстоятельства – вымышлены. У героинь и героев цикла «TRANSHUMANISM INC.» нет конкретных прототипов в реальном мире. Любые утверждения об обратном являются хайпом или провокацией.

Всякое сходство с экстралингвистической действительностью случайно. Любая попытка обнаружить в книге какие-то намеки и параллели является рептильной проекцией антинародного ума и подсознательным вредительством

(статья 83.34 уголовного уложения Доброго Государства).

Высказывания и мнения героинь и героев, их стихи, проза, слоганы, идеологемы и пр. не выражают позицию автора, не являются его прямой речью и служат исключительно целям выпуклой лепки художественно убедительных образов.

Фрагменты пост-карбоновой национальной идеи публикуются условно-досрочно.

I got two strong arms, Blessings from Babylon. Time to carry on and try...
Nik Kershaw

Пролог

Император лежал на плитах сенатской курии. Темная кровь из пронзенного сердца и пурпур плаща сливались в полутьме – глядя на августейший силуэт с высоты, можно было подумать, что принцепс быстро набирает корпулентность. Вокруг, подобно хору в греческой драме, выли и бормотали сенаторы с кинжалами в руках.

Среди них – *et tu, Brute!* – был и преемник, усыновленный божественным и принявший его славное имя. Тоже Порфирий. Лицо нового принцепса выражало печаль, решимость, умеренный оптимизм в отношении будущего и другие подходящие к ситуации государственные смыслы.

Вот так молодое поколение приходит нам на смену. Судя по свершившемуся злодеянию, я обучил преемника тонкостям ремесла неплохо. Ни одного доноса о заговоре.

Я знал это точно.

Мертвым императором был я сам.

Вернее, все обстояло чуть сложнее. Я был убитым, и я же смотрел на него сверху, будто глаз на потолке. Никакой тревоги или страха – наоборот, я был спокоен и почти счастлив.

Значит, загробная жизнь существует. И дух, покинув тело, действительно видит и чувствует то же самое, что ощущал, когда у него были телесные органы... Суеверие, которое я не мог принять при жизни, оказалось правдой.

Еще я слышал, что дух на время остается в мире, следя за теми, с кем погибший не может разорвать сердечную связь.

А вот это, похоже, было неправдой.

Особого интереса к оставшимся внизу я не испытывал. Даже к преемнику Порфирию (тот уже объяснял что-то ворвавшейся в курию страже – лицо его было спокойно, а жесты полны достоинства). Справится, надо полагать. Мне было все равно.

Меня интересовал лишь новый, только открывшийся мне нематериальный мир. Чем он был на самом деле? И, главное, чем стал я сам? Собственного тела я не видел – его не было. Во всяком случае, такого, как прежде.

Могу ли я проходить сквозь стены? Я повернулся и увидел близкую роспись потолка – Сципион Африканский стоял возле нелепо изображенной баллисты (художникам надо проводить больше времени в воюющих провинциях, но об этом пусть заботится преемник).

Сделав легкое усилие, я поплыл к потолку, заметил пыль и паутину на приблизившейся лепнине – и без усилия вошел в толщу камня. Стало темно.

Я ожидал, что пройду кладку насквозь и увижу небо, но этого не случилось. Темнота окружала меня со всех сторон, и я не мог ее покинуть. В конце концов я попытался вернуться назад в курию, но не сумел.

Трудно было понять, двигаюсь ли я на самом деле. Если я перемещался, то неясно, с какой скоростью и куда: отметки, относительно которых возможна была ориентация, отсутствовали. Сама идея движения в подобной ситуации теряла смысл.

Вдруг я услышал в темноте шепот:

– Порфирий! Император Порфирий! Ты слышишь нас?

– Кто вы?

Мой голос прозвучал хрипло и испуганно. Было непонятно, откуда вылетели эти слова. Однако я знал, что произнес их.

– Мы те, кому ты причинил муку при жизни. Мы ждали твоей смерти и пришли отмстить...

Шепот, долетавший со всех сторон сразу, весьма терзал. К счастью, в этой пустой черной безбрежности повредить мне было невозможно... Или возможно? Не зарекайся, мист. С Ахероном шутки плохи.

Я заметил, что темнота вокруг уже не совсем пуста.

Я висел в воздухе над какой-то поверхностью – и мир вокруг оплотнялся, снова становясь материальным. То же происходило и со мной. Сделались различимы ветки ночных деревьев и далекие зарева звезд, а потом сила тяжести увлекла меня вниз.

Я ушиб колено, упав на землю. У меня появилось тело. При жизни я часто думал, что для загробных скитаний душе нужна будет иллюзия телесности – и оказался прав.

Кажется, я находился в ночном лесу. Но это не был обычный лес.

– Порфирий! Император Порфирий! Ты слышишь нас?

Что-то мягкое коснулось моей руки, затем ноги, спины... Казалось, сотни крохотных мелких рук цепляются за мою одежду.

Я понял, кто вокруг: души моих жертв. Они не были похожи на людей и скорее напоминали ночных насекомых, носящихся около лампы. Только лампой этой был я сам.

Я начал узнавать гостей.

Вот истыканные стрелами антинои, прикованные к золотой цепи. Вот казненные ради конфискации менялы, обвиненные в заговоре. Вот базарные мыслители о судьбах империи, сошедшие с крестов. А это погибшие в войнах легионеры – их много, очень много, и становится все больше, потому что они гибнут прямо сейчас.

В обычном смысле я не видел ничего – но разум мой каким-то образом распознавал эти легчайшие прикосновения.

Не все души носились вокруг в ярости. Иные из них походили на неподвижно горящие в темноте огни, или даже глаза, устремленные на меня.

Я узнал два ярчайших. Сестры Люцилия и Мария, христианки, посланные мною на арену, где их растерзали звери. Они в тот день кричали, что прощают меня и будут молиться за мою душу, а потом встретят за гробовой чертой и отведут в новую жизнь.

Свита тогда смеялась. Смешно было и мне – как они собираются помочь императору, если не могут спасти себя? Но именно это воспоминание оказалось самым мучительным.

Я побежал прочь. Я несся над землей быстро и легко, мотыльки душ отставали, огни постепенно гасли – и я уверился, что смогу уйти. Мне стало даже весело.

А потом сзади донесся лай собак. Самые гневные из моих преследователей превращались в адских гончих. Лай делался громче. Скоро он уже летел со всех сторон, но пока я уходил от погони.

Хорошо, что среди моих преследователей нет колдунов, способных помешать моему бегству... Или есть? Я казнил, кажется, десятка два шарлатанов, мутивших народ в Азии. А вдруг среди них был настоящий маг? Что, если он остановит меня сейчас своей волей?

Нет, нельзя думать подобное на Ахероне.

Лесная тропа, по которой я бежал, уперлась в частокол. Заросли по сторонам были непроходимы. Я повернулся навстречу приближающемуся лаю. Хотя я и понимал, что главный враг – это мой собственный ум, власти над ним у меня не было. Но если он умел выдумывать погиль, то мог, верно, изобрести и спасение.

Вот только как?

Я поднял руки перед лицом и увидел в полутьме свои зыбкие пальцы. Когда псы возмездия нагонят меня, им будет во что погрузить клыки.

Мне стало страшно, как в детстве во время грозы. И я начал молиться примерно так же – бессвязно и жарко.

– Если есть сила, способная прийти мне на помощь, – шептали мои губы, – если есть защитник, готовый спасти от гнева богов, появись сейчас! Через минуту будет поздно!

Прошло несколько долгих секунд. Лай делался ближе и громче, а мое отчаяние – острее и невыносимей.

– Сестры Люцилия и Мария, я погубил вас на арене. Но вы в бесконечном милосердии своем обещали, что простите меня и придете встретить у ворот нового мира. Если так, самое время!

Ответа не было.

Я уже видел своих преследователей. Не физическими глазами, нет. Я ощущал приближение их гнева. Пусть они подобны пару, полупрозрачны и зыбки – но таков же и я, а значит, они смогут меня терзать. Как туман заполняет воздух над утренним полем, так приближалось возмездие.

– Заступники и боги, – шептал я, обращаясь неведомо к кому, – я сделаю все, чего вы пожелаете! Все-все! Только спасите!

Римские боги молчали. Это не удивляло меня – мудрецы говорят, что олимпийцы ушли из нашего мира еще во времена Эллады.

Но даже смутные и таинственные восточные божества, которым я приносил жертвы, склоняясь по окраинам империи, не отвечали – хотя я лично видел чудеса у их алтарей. Если они так охотно проявляли себя тогда, где они теперь? Или я мало заплатил?

Внезапно я ощутил присутствие сестер Люцилии и Марии.

Я не видел их, но знал, что они рядом – и даже вспомнил тот прохладный осенний день, когда их вывели на арену. Оказывается, и тогда я ощущал их духовное присутствие, просто не отдавал себе в этом отчета. До чего глуп и жесток я был...

По моим щекам потекли слезы раскаяния, горячие, как расплавленный свинец.

– Ты раскаялся в содеянном, – услышал я голос Люцилии. – Это хорошо. Я покажу тебе эон, куда твой дух сможет войти, не нарушая мировых гармоний. Смотри же...

Воссиял свет. Я зажмурился в страхе, но скоро понял, что он кажется ослепительным лишь по контрасту с тьмой, где я находился прежде. На самом деле сделалось светло примерно как пасмурным днем.

Я, собственно, и увидел пасмурный день на земле – в каком-то незнакомом месте. Вокруг был скудный северный лес. Судя по убожеству флоры, я оказался на самом краю мира, даже севернее Германии. Но люди жили и здесь.

Передо мной белела скульптура, изваянная с немалым умением – несколько бородатых мужей, взявшись за руки, застыли в хороводе. Улыбающиеся лица статуй и их одежда, напоминающая галльскую, не были раскрашены – или краска уже стерлась под воздействием стихий.

Трава и кусты скрывали нижнюю часть скульптуры – видно было, что место давно не расчищали. Сквозь мелкую северную листву просвечивали полусгнившие домики, арки, беседки, щиты с намалеванными фигурами героев и надписи на незнакомом языке.

Мне вспомнилось виденное в Германии поселение, все жители которого были проданы в рабство. За десять лет его поглотил лес. Выглядело весьма похоже, только здесь присутствовали свежие следы убогой жизни: сохнувшее на веревке тряпье, следы костров, кучи мусора и нечистот... Еще меня изумила лопасть огромного винта, торчащая из земли – словно какой-то древний гигант игрался в Архимеда.

Быть может, здесь живут таинственные гиперборейцы, о которых пишут Плиний и Диодор? Если так, солнце заходит и восходит над этим лесом лишь раз в год.

Или гиперборейцы жили тут прежде, а потом выродились, как этруски и греки?

Время, отпущенное мне на раздумье, кончилось.

– Хочешь ли ты перейти в этот мир, чтобы трудиться в нем на благо Господа? – спросила невидимая Люцилия.

Я молчал, не зная, что сказать. Свет начал меркнуть, и скоро зеленое наваждение пропало. Я вновь оказался в предвечном мраке – и услышал приближающийся лай. Этот звук привел меня в чувство.

– Готов, – закричал я, – готов на все! Помогите покинуть тьму, блаженные сестры!

Ответа не было. Я испугался, что упустил свой шанс – но тут под моей ногой хрустнула ветка. Я поглядел вниз и увидел покрытый сухими листьями люк вроде тех, что ведут под арену амфитеатра Флавиев. Распахнув его, я втиснулся в лаз и захлопнул над собой деревянную крышку.

Подземный ход был низок – я мог стоять в нем только на четвереньках. Впереди горели масляные плашки. Я пополз по земляному коридору, кое-как укрепленному досками. Коридор уходил вниз и постепенно расширялся – скоро я уже мог идти, не сгибаясь.

Сделав несколько поворотов во тьме, я уперся в массивную дверь. На ней было одно слово:

TUNC

«Затем...» Да. Вот подходящая надпись на входе в новый мир.

Почерк был изрядно кудрявым и напоминал электоральные каракули на городских стенах. Можно было даже прочесть это слово как «TH_INC». Видимо, загробные художники не слишком усердно изучали латынь. Понятно, язык духа – греческий.

Преследователи были уже рядом. Адские псы лаяли прямо над люком, и я не сомневался – меня найдут и под землей. Что бы ни начиналось за дверью, мне надо было туда: больше не оставалось никакого исхода.

Я рванул ее, и...

В отказе от Крутилова

– Господа инквизиторы! Аплодисменты нашему коллеге, аплодисменты!

Просторный зал, похожий на чердак пирамиды Хеопса. Космическая ночь со звездами и гигантским Сатурном в окне. Все как обычно.

Адмирал-епископ Ломас, руководитель отдела внутренних расследований корпорации «TRANSHUMANISM INC.», стоял за своим столом и хлопал в ладоши. Вокруг улыбались сотрудники отдела – инквизиторы, как называл нас начальник. Все в черном, с редкими золотыми значками на форме.

Я никогда прежде не видел в кабинете Ломаса столько людей. Обычно с ним говоришь один на один. Ко мне быстро возвращалась служебная память – словно рушилась песчаная стена, отделявшая меня от меня самого.

Я – Маркус Зоргенфрей, баночник первого таера. Я не вполне человек. Во всяком случае, в традиционном смысле, хотя когда-то давно жил в мужском теле.

Я мозг, хранящийся в подземном cerebroконтейнере, подключенном к нейросетям «TRANSHUMANISM INC.» Все без исключения, что я воспринимаю – это симуляция. Но я

не только клиент корпорации, а еще и ее сотрудник. Подчиненный Ломаса. Инквизитор, как выражается адмирал, хотя официально я старший оперативник отдела внутренних расследований.

Я понимал, что меня просто вернули из командировки. Несколько обидным и даже, наверное, издевательским способом. Ломас такое любит. Но почему он сделал весь отдел свидетелем моих загробных метаний?

– Мы собрались здесь вместе, – продолжал Ломас, – чтобы вручить нашему дорогому Маркусу корпоративную серьгу первой степени с двумя засечками. «TRANSHUMANISM INC.» довольна вами, Маркус! Поблагодарим нашего друга все вместе!

В этот раз аплодисменты были чуть жиже. Внутривидовую конкуренцию в баночной вселенной никто не отменял.

– Берем пример с Маркуса! – повторил Ломас. – За особые заслуги корпорация награждает его почетным вторым таером! Еще двести лет счастливой жизни! Поздравим его, поздравим как следует! Старайтесь, эта дорога открыта перед каждым!

Коллеги наградили меня еще несколькими унылыми хлопками.

– А теперь, друзья, – сказал Ломас, – оставьте нас с Маркусом вдвоем. Нам надо пошептаться.

Коллеги даже не стали утруждать себя выходом в дверь – просто исчезли один за другим, прямо где стояли. Ломас явно испортил им настроение на целую неделю.

Как только мы с адмиралом остались одни, он сел на свой служебный трон под портретом основателя корпорации Гольденштерна (черная хламида, золотой свет из капюшона вместо лица) – и указал на кресло для посетителей перед циклопическим столом.

– Зачем эти загробные видения? – спросил я, садясь. – Я ведь страдал и мучился. Неужели ваше мрачное чувство юмора...

Ломас поднял ладонь.

– Easy-peasy.

– Что «easy-peasy»? Я вполне спокоен.

– Мое мрачное чувство юмора здесь ни при чем, – сказал Ломас. – Если бы я руководствовался им, вы смеялись бы до сих пор. Эти видения нужны исключительно для вашего здоровья. Душевного и вообще.

– То есть, адмирал?

– «Easy-Peasy» – это, если вы не поняли, не присказка. Это название новой реабилитационной технологии, применяемой после длительного погружения. Ваш мозг возвращается к нормальному модусу функционирования по оптимальной перцептуальной траектории, рассчитанной корпоративными нейросетями.

– Это была оптимальная траектория? Да я чуть от страха не обделался.

– Лекарство может быть горьким. Но это лекарство. Правильный выход из коммутационного стресса важен для здоровья. Времени у нас мало, поэтому нейросеть заодно показала вам превью вашего следующего задания. По моей просьбе.

Я вспомнил бородатых мужей, ведущих хоровод в северных зарослях. Так вот что это было.

– Без вашего цирка было бы куда меньше стресса.

– Не скажите. Человеческий мозг – это сложнейшая структура, Маркус. Огромная канцелярия, где на разных этажах происходит много непонятного. Можно обманывать эту канцелярию сколько угодно, но нельзя позволять ей видеть обман.

– Мы отлично знаем, что это обман. Корпорация именно им и торгует.

Ломас засмеялся.

– Мы – это кто? Этаж, где обитает ваша личность, для внутренней канцелярии не слишком важен. А вот дыры в подсознании, нестыковки и разрывы реальности, замеченные более

глубокими слоями психики, кончаются душевной болезнью. Соединяя конфликтующие части опыта в болезненную, но непрерывную последовательность, мы увеличиваем срок годности вашего мозга.

– Вот как, – сказал я.

– Да. Природа делает то же самое каждый раз, когда вы просыпаетесь. Но у нее это выходит почти мгновенно, а мы только учимся. Нам приходится рассказывать мозгу целую историю. Маршрут пробуждения должен быть обдуманным. Все решает нейросеть, и продиктовано это заботой о вашем здоровье, поверьте... Кстати, раз уж мы заговорили о здоровье. Коньяку? Сигару?

– Чувствую, что вернулся на службу. Не откажусь.

И коньяк, и сигары были маскировкой дополнительных контуров контроля, которые Ломас подключал к чужому cerebroконтейнеру. Все знали, что таким образом он просвечивает собеседника лучше любого полиграфа, но мне это казалось излишним. Просвечивать нас незачем, потому что нас редактируют. Мы всегда именно такие, какими корпорация хочет нас видеть.

Раскрылась дверь, и вошла пожилая ассистентка с подносом. На нем стояли хрустальный графин с коньяком, два огромных стакана и пепельница с раскуренными сигарами. В воздухе запахло социалистической революцией: именно о ней, по словам Ломаса, напоминал ему дым черного табака.

– С возвращением, Маркус!

Ломас поднял стакан, и мы чокнулись. После пары глотков мое настроение улучшилось. На самом деле все было прекрасно. Второй таер – это второй таер. Лучше только третий, но его корпоративным следователям не дают. Его берут сами разные биржевые брокеры, лидеры угнетенных масс, баночные бьюти-блогеры и другие вожди человечества.

– Это правда насчет второго таера? – спросил я.

– Да, – ответил Ломас. – Но есть немного мелкого шрифта. Чтобы получить дополнительные двести лет в банке, вы должны отработать в нашей корпорации до конца первого таера. Еще семнадцать лет, если не ошибаюсь.

– Ожидаемо, – сказал я.

– Вы обещали богам и заступникам сделать все, что они пожелают, – улыбнулся Ломас. – Корпорация услышала мольбу и спасла вас из вечной тьмы. Будьте же верны слову, как положено мужчине и воину. Тем более императору.

– Вы говорили, что нейросеть прокачала сквозь меня весь этот скрипт в медицинских целях.

– Одно не мешает другому.

– Знаете, адмирал, – сказал я, – Эйнштейн в качестве примеров бесконечности приводил милосердие божие и человеческую глупость. Жаль, что он не был знаком с вашим цинизмом.

Ломас улыбнулся еще шире.

– Мы не просим много. Просто потрудитесь еще. Начальство вами довольно.

– Начальство – это вы?

– А вам хочется видеть во главе отдела кого-то другого?

– Как вы могли такое подумать?

– Мог, Маркус. Этим другим через пару десятков лет можете стать вы сами. А я буду с грустью глядеть на вас вниз с потолка. Как только что вы в сенатской курии.

– Значит, – сказал я, – семнадцать лет работы, а потом второй таер. Спасибо прекрасному Гольденштерну за нашу счастливую старость... Вернее, вечную молодость.

Улыбка Ломаса стала кислой – он показывал, что заметил шутку, но не оценил ее. Про Гольденштерна не шутят. Вернее, шутят, но в ответ не смеются. Тонкости корпоративной этики.

- Скажите, в Риме было неплохо? Я пожал плечами.
- Кое-что стыдно вспоминать.
- Вы ничего не помните про события и эксцессы во время Элевсинского таинства? Я отрицательно покачал головой.
- Жрецы объяснили, что после разговора с богами такое бывает.
- Вот и хорошо. Но Рим после возвращения из Элевсина вы должны помнить.
- Да, помню, – ответил я. – В основном разные бытовые подробности. Всякие свинства и зверства, связанные с императорским досугом. Гигиеничнее было бы забыть.
- Ну, не скромничайте. Вы даже писали по-латыни на восковых табличках. Кое-что вам удалось. Особенно опыт под названием «Об обладании с винопитием и без». Я два раза прочел. Если заменить вино на коньяк, а обладание на служебный инструктаж, прямо новые горизонты для старика-адмирала.
- Надеюсь, – сказал я, – вы понимаете, что всю моральную и юридическую ответственность несет моя римская идентичность.
- Несомненно. Это касается всего вашего римского досуга. Мне захотелось как можно быстрее сменить тему.
- Что я сделал, чтобы заслужить второй таер? Спас человечество?
- Примерно, – ответил Ломас. – Обнажили, так сказать, некоторые критические уязвимости современного уклада жизни. Поэтому вам и стерли память.
- Я был бы признателен, если бы вы мне по секрету напомнили, в чем дело. Хотя бы намекнули.
- После возвращения из Элевсина вы выполняли функции нейросети «Порфирий». Ее в это время восстанавливали из бэкапов и модифицировали. Структуры корпоративной безопасности благодаря вашему расследованию получили бесценный практический опыт – мы будем осмыслять его годами. Теперь модифицированный Порфирий снова на рабочем месте. Поэтому вас вернули домой.
- Мне положен отпуск?
- Отпуск вы провели в Риме. Время после Элевсина можете считать подарком корпорации. Даже у меня не бывает вакаций, где я становлюсь римским принцепсом. Пожил бы он в Риме в моей шкуре, подумал я. Но спорить не стал.
- Так уж необходимо было зачищать мне память?
- Ломас кивнул.
- Выполняя задание, вы приобрели знания, несовместимые с жизнью. Я искренне рад, что победила жизнь.
- Так решила корпорация, – сказал я.
- Уверен, это правильный выбор. Но даже о нем вам лучше забыть. Не беспокойтесь, мы сами сотрем все, что потребуется.
- Неужели с Римом связаны настолько чувствительные для нашего времени вещи?
- До того чувствительные, – ответил Ломас, – что наши перестраховщики стерли вам много функциональной памяти о нашем мире тоже. Там, где возможны были оверлэпы.
- Функциональную память можно восстановить? Я смогу работать?
- Не волнуйтесь, – сказал Ломас. – Это не критично. Мы подключим вас к системе HEV.
- Что это?
- High Executive Vernacular. Информационный канал, с которым работают высшие чины корпорации. В том числе и я сам. Вы замечали, что я никогда не торможу разговор для получения дополнительных данных?
- Много раз, – кивнул я.

– Это не потому, что я их не получаю или знаю все. Просто система как бы останавливает время и позволяет ознакомиться со всей необходимой информацией, пока собеседник замирает в неподвижности.

– Вот как? Корпорация может управлять временем?

– Субъективным временем, – ответил Ломас. – Объективное не останавливается. Ваш мозг сильно разгоняется, и вы узнаете все необходимое так быстро, что в вашем общении с другими не возникает лакун. Для здоровья это безопасно. Ну, почти.

– Я всегда думал, – сказал я, – что мозг нельзя особенно разогнать.

– Верно. У телесного человека мозг не может работать быстрее из-за связи с телом. Это забарьерный орган – энергию туда быстро не проведешь и метаболизм сильно не ускорить. Но у мозга в банке часть проблем исчезает. Вам понравится.

Стоящие на столе часы в виде печального ангела с косой издали трель, и Ломас сделал серьезное лицо.

– К делу, Маркус – время не ждет. Вы получаете следующее задание не просто как корпоративный следователь. Вы единственный в отделе мист, инициированный в таинства Элевсина.

– Я ничего о них не помню.

– Возможно. Но посвящение отразилось на глубочайших слоях вашего подсознания. Поэтому вам будут поручаться особые дела. Находящиеся на грани здравого смысла. Мистические. Неразрешимые. Наш контрагент в новом расследовании – Ватикан.

– Ватикан?

– Именно. Как вы знаете, я не только адмирал. Я еще и епископ. Поэтому представители Римской Мамы вышли на связь напрямую со мной. Секретность, в том числе от остальных сотрудников корпорации – условие Святого Престола. Так попросила мать Люцилия Мать Люцилия? Похоже, мою римскую молитву услышал не один Ломас. Или это тоже часть нейросетевого протокола?

– Простите, кто?

– Мать Люцилия, – повторил Ломас. – Easypeasy, Маркус. Она прибудет проинструктировать вас лично. Не удивляйтесь ничему из того, что услышите.

Ангел смерти на часах издал еще одну трель, и на подносе с коньяком возник третий стакан. В кабинете Ломаса появилось еще одно кресло: красный бархат подушек, изогнутые ножки, резное золоченое солнце над спинкой. Свое кресло в кабинете Ломаса. Немыслимая честь.

* * *

Несколько секунд кресло было пустым. А затем в нем возникла пожилая седая дама в красной кардинальской мантии.

Мантия выглядела выцветшей и застиранной. Видимо, баночные стилисты давали понять, что кардиналка равнодушна к богатству и переехала в цереброконтейнер лишь для того, чтобы лучше служить другим.

– Маркус Зоргенфрей, – произнес Ломас. – Специальный агент по особо важным делам. Мать Люцилия. Особая представительница Римской Мамы. Ну, за встречу специального с особым...

Ломас взял стакан и отпил коньяку. Мы с матерью Люцилией последовали его примеру – но кардиналка едва коснулась жидкости губами.

– Большая честь встретить вас, мать Люцилия, – сказал я. – Спасибо за ваши молитвы.

– Как мамская нунция, – ответила мать Люцилия, – я молюсь за мир, но реже, чем хотелось бы. Просто не хватает времени. Я занимаюсь другими вопросами. В том числе связями престола с нулевым таером.

– Они у баночного престола еще остаются? – невинно спросил я.

Не уверен, что мой вопрос понравился матери Люцилии – улыбнулась она довольно кисло.

– Они есть и крепнут. Конечно, это правда – баночных прихожан у нас больше. Жизнь на поверхности планеты часто слишком жестока, чтобы человек мог обратить свой лик к любви и свету.

– Истинно так, – перекрестился Ломас.

– Вы, епископ, знакомы с нашей проблематикой, – сказала мать Люцилия. – А вот нашего молодого друга надо подготовить, иначе он не поймет серьезности ситуации.

Она повернулась ко мне.

– Поблагодарив меня за молитвы, вы, вероятно, иронизировали. Но если серьезно – зачем, по-вашему, нужны монахи и монахини, молящиеся об общем благе?

Я пожал плечами.

– Он не понимает, – сказал Ломас. – Другое воспитание.

– Я все же попробую объяснить. Помните, Маркус, то место в книге Бытия, где Бог обсуждает с Авраамом положенную Содому кару?

– Смутно.

– Господь говорит так: «Если найду в Содоме пятьдесят праведников, прощу весь город ради них...» Толпа грешников может быть помилована ради нескольких праведников.

– Вот как.

– Да. Поэтому присутствие монахов и подвижников духа, да и просто добрых людей в нашем мире важно именно для нечестивцев. Праведники и есть те скрепы, ради которых Бог терпит наш мир и позволяет ему существовать. Представьте насильника, охваченного ненавистью, злобой и похотью. Очень скоро он встретится с полицейской пулей. А вот если в нем просыпаются сострадание и любовь, да хотя бы страх Божий, наступает...

– Шизофрения, – буркнул я.

– Нет. Неустойчивое равновесие бытия. Праведники молятся за презирающий их мир – и спасают его изо дня в день. Вы не представляете, мой друг, насколько могущественна молитва.

Я сделал вежливый жест, давая понять, что желаю баночному престолу всяческих удач на всех направлениях.

– Маркус немного простоват, – сказал Ломас, – но это идеальный оперативник. У него лучшие результаты по отделу на семи последних кейсах.

– Я помню только два, – признался я честно. Ломас улыбнулся.

– Контролируемое каше оперативной памяти – гарантия приватности. Можете не опасаться утечек, мать Люцилия.

Мамская нунция с сомнением поглядела на меня, потом на Ломаса.

– Он точно все забудет?

– Точно, – подтвердил Ломас. – Это часть его работы – забывать. Опасаться нечего. Говорите как со мной.

– Хорошо, – сказала мать Люцилия. – Сейчас я повторю то, что уже изложила епископу Ломасу неделю назад.

– Я весь внимание.

– Как я упоминала, я курирую связи с нулевым таером. Помимо внутрицерковных дел это означает также, что я занимаюсь контактами духовного мира с поверхностью планеты. Именно здесь таятся многие опасности, о которых обычный человек даже не подозревает.

Я хотел пошутить, но удержался. Блаженны слушающие и помалкивающие.

– Вы справедливо заметили, – продолжала мать Люцилия, – что у баночного престола сохраняется все меньше связей с миром плоти.

Процесс этот, увы, столь же объективен, сколь прискорбен. Но тем крепче наша связь с миром духа.

Я вспомнил, что в Добром Государстве значительная часть граждан считает Ватикан главной цитаделью мировой ваты (так регулярно намекает конспирологический канал «Ватинформ»), и мне потребовалось усилие, чтобы сохранить на лице серьезно-благочестивую гримасу.

– Некоторые теологи, – продолжала мать Люцилия, – говорят, что христианство прошло три диалектические стадии развития – катакомбную, наземную и баночную. Баночный этап – наивысший в духовном отношении. А в физическом измерении мы теперь спустились гораздо ниже катакомб. Моя банка, например, находится на глубине почти в километр.

– Какой у вас таер? – спросил я.

Ломас сделал круглые глаза, что означало «заткнись уже, Маркус», но было поздно. Такие вопросы среди баночников задавать не принято – но меня отчасти извиняло то, что мамская нунция сама подняла эту тему.

– Пятый, – поджав губы, промолвила мать Люцилия.

– Благослови вас господь, – сказал Ломас. – Какое счастье, что вы будете молиться за нас так долго.

– Так при чем здесь мир духа? – спросил я.

– Терпение, Маркус, – ответила мать Люцилия, – все по порядку. Как вы считаете, чем занимаются монахини и монахи баночных орденов?

– Никогда не интересовался этим вопросом.

– Они ме-ди-ти-ру-ют, – сказала мать Люцилия, выговорив слово по складам. – Знаете, что это значит?

– Примерно. Сидеть у стены и ни о чем не думать.

– Нет, – ответила мать Люцилия, – не совсем так. Не путайте буддийскую медитацию с католической. То, что практикуют буддисты, есть простое угнетение высших функций мозга. Человек, так сказать, добровольно отвергает свою второсигнальную божественность, перестает раздумывать о вечном и переживает бессмысленное блаженство по ту сторону добра и зла. В точности как животное.

– А как медитируют католики?

– О, – сказала мать Люцилия, – это неисчерпаемая тема. У нас есть разные методы и подходы. Например, «Лектио Дивина». Божественное чтение. Мы медитируем над отрывком Писания, размышляя о различных уровнях смысла. Это позволяет встретиться с Богом через рассудок. Или «Исихия». Иисусова молитва. Почти как ориентальная практика мантр, только развернутая в правильном направлении. «Розарий» – набор медитативных молитв, повторяемых в определенной последовательности...

Ломас осторожно поднял руку, но мать Люцилию было не остановить.

– «Экзамен совести», – продолжала она, – это попытка мысленно пересмотреть свою жизнь в свете веры. Вы обдумываете отношения с другими людьми и так далее. «Тихая Молитва» – молчание перед Богом, открытость Ему и бессловесное призывание Святого Духа. Близка к этому и *контемплация*, хотя в ней есть особенности. Духовной медитацией можно считать виртуальное путешествие по святым местам или тематические симуляции наподобие «Моисея в Красном море», «Назарета» и так далее...

– Мы знаем, как огромен арсенал католического учения, – сумел наконец влезть Ломас.

– Влияет ли на подобные практики баночный модус? – спросил я. – А то про монахинь ходят разные слухи.

– Хороший вопрос, – ответила мать Люцилия. – Про баночных монахинь и монахов действительно говорят много дурного. И коечто, увы, соответствует действительности. Если вы хотите тешить бесов, в cerebroконтейнере это делать гораздо удобнее. Следов практически не

остается, если не считать шрамов на грешной душе. Но если вы действительно устремлены ко Всевышнему, вам тоже проще.

– Почему?

– Баночные монахини и монахи, по сути, уже освобождены от оков плоти. При правильной гормональной настройке многие из них быстро достигают в личной симуляции вершин святости. Со всеми сопутствующими переживаниями.

Ломас осенил себя крестным знаменем. Мне пришло в голову, что он подумал не о баночных святых, а о себе – и своей долгой корпоративной вахте.

– Поскольку духовные достижения баночных подвижников трудно повторить на земле, – продолжала мать Люцилия, – мы не слишком их афишируем, чтобы не вводить наземную паству в соблазн. По этой причине, подтверждая святость баночных подвижниц, Римская Мама уже много лет пользуется секретными буллами.

Ломас кивнул с таким видом, словно половина этих булл была посвящена ему.

– Итак, – сказала мать Люцилия, – общую ситуацию вы представили. Дальше я буду говорить о двух кармелитках, сестрах Терезе и Марии.

– Кармелитки – это кто? – спросил я.

– Орден, практикующий медитативную молитву. Они превосходят на этом поприще даже бенедиктинцев и иезуитов. Сестры Тереза и Мария к тому же терезианки, то есть исповедницы святой Терезы Авильской, а это духовное сердце ордена.

– Воистину, – сказал Ломас. – Каждое их переживание чрезвычайно важно для нас всех.

– В прошлом году, – продолжала мать Люцилия, – сестры Тереза и Мария ушли в трехмесячный слепоглухой ритрит в традиции «Лектио Дивина».

– Слепоглухой в каком смысле?

– Для баночниц это значит, что визуальный и зрительный каналы отключаются вообще. Медитатор повторяет про себя отрывки из канона, заученные наизусть. Через некоторое время он начинает различать картины и звуки, созданные его умом. Если объектом подобной медитации становится отрывок из священного писания, это... Даже не знаю, с чем сравнить.

– Экранизация, – предположил я.

– Ну... Если экранизация, то очень особенная. Отрывок из писания превращается в многомерный объект, раскрывает свои явные и неявные смыслы – и ведет наших подвижниц к инсайтам, недостижимым на поверхности планеты.

– А над каким отрывком они медитировали?

– Знаете, – ответила мать Люцилия, – опытные монахини часто берут расширенную тему – не просто какую-то одну цитату, а весь, так сказать, смысловой кластер вокруг.

Ломас сложил руки перед грудью и придал лицу еще более благоговейное выражение.

– Исходной точкой было Первое Петрово послание, глава три, стих девятнадцать:

«К предвозвестившим духам, сидевшим в темнице, Христос сошел и проповедовал им».

Также в послании к Ефесеянам, четыре-десять, сказано, что Иисус «восшел выше всех небес, чтобы наполнить все...» Вы понимаете?

Я отрицательно покачал головой.

– Это толкуют в том смысле, – пояснил Ломас, – что после воскрешения Иисус спустился в ад и освободил его пленников.

– Католическая традиция не подвергает это сомнению, – кивнула мать Люцилия. – Святой Августин Гиппонский говорит так:

«Никто не может сомневаться, что Господь Иисус Христос, наш Спаситель, как только Он умер за нас, как только Он принял нашу смерть на Себя, сразу же пошел в ад, чтобы вывести оттуда души, которые были там содержимы...» Святой Ириней Лионский подтверждает: «Итак, Он, Который спустился, Он же и восшел, так что спасение наше Он совершил, ад освободил, и жизнь нам явил, дающую вечность тем, кто уверовал в Него...»

– Достаточно, – сказал Ломас, – Маркус уже понял чрезвычайную важность этой догмы. Он преувеличивал, но возражать я не стал. На самом деле мне понемногу начинало казаться, что я попал на радение озверевших сектантов.

– Перед тем, как я объясню, что именно постигли сестры Мария и Тереза, – продолжала мать Люцилия, – я хотела бы напомнить следующее. Наш мир – это сложнейшая многомерная конструкция, непостижимая и загадочная. Она основана на чуде творения, и ее внутренние связи так же чудесны. Постичь их полностью способен лишь божественный разум. Многое из того, что созерцают духовидцы, ставит в тупик их самих, и только комментарий опытного теолога, а иногда и физика, способен прояснить увиденное.

– Я прекрасно это понимаю, – сказал Ломас, – прекрасно. Даже в нашей практике случается подобное.

– Итак, – продолжала мать Люцилия, – сестры Мария и Тереза медитировали над спуском Иисуса в ад. Цитаты из святых подвижников служили маяком духовного поиска. Примерно месяц тексты из Петра, Ириней и Августина не желали оживать и оставались просто словами и буквами. Так бывает, если медитатор нацеливается на очень высокую истину...

Ломас значительно кивнул. Может быть, подумал я, в свою бытность епископом он сам занимался чем-то похожим.

– Через два месяца после начала ритрита монахинь посетило откровение. Оно случилось с ними не одновременно, а с интервалом в несколько дней, что указывает на духовную достоверность опыта. Они испытали нечто поистине страшное.

– Что именно?

– Сначала они увидели древнее Зло, заключенное в аду.

– Да? И как оно выглядело?

– Духи, содержащиеся там, были облечены в тела. Четкого и однозначного догматического указания на это нет – только трактовки и мнения теологов. Но само по себе это логично. Как связать дух, если не заключить его в тело?

– Совсем недавно я тоже про это думал, – признался я.

– Чтобы удержать в заключении бестелесные души, Господу пришлось бы создавать особую твердыню духа, защищенную божественными силами. А если душа низвержена в адское тело – и при этом боится его потерять – то никуда дальше тела она не денется. Будет сторожить себя сама.

– Технологичное решение, – сказал я. – И что это были за тела?

– Страшные, поистине чудовищные монстры с огромными зубастыми ртами, когтями, шипами и так далее. Обитатели ада занимались в основном тем, что пожирали друг друга, немедленно возрождаясь в той же самой юдоли, поэтому даже гибель тела не вела к освобождению из духовной тьмы.

– Умно устроено, – сказал я. – Вечная темница.

– Да. Смотреть на это было невыносимо, и только высочайшая духовная отвага позволила сестрам Марии и Терезе продолжить медитативную крусаду. Но вскоре им стало казаться, что картины ада уже открывались им прежде. Еще во время жизни на земле. Они сосредоточили свое духовное зрение на этой загадке – и постигли, что видят...

– Что? – не выдержал я.

– Царство рептилий. Мир динозавров, населявших Землю десятки миллионов лет назад.

– Вот как, – сказал я. – А почему? Они что, э-э-э... куда-то не туда духовно взгляделись?

– Нет, – ответила мать Люцилия. – Они медитировали на слова Писания и святых. Это значит, увиденное ими действительно было адом. Просто ад оказался не слишком похож на реки лавы и огня, населенные перепончатокрылыми тварями, хотя и такое там водилось. Скорее ад напоминал влажные горячие джунгли, пахнувшие гнилью и распадом. А его обитатели походили на древних ящеров до полной неразличимости. Но это не все. Вслед за этим сестры

увидели, как в ад спускается Христос... Ломас оперся подбородком на сложенные кисти и уставился в стол. Я ожидал, что он задаст какой-нибудь наводящий вопрос, но он молчал. Возможно, в словах матери Люцилии заключался какой-то теологический диссонанс. – И как это выглядело? – спросил я. – Парящий в воздухе силуэт в ризах? Нимб, голуби вокруг?

– Если бы, – усмехнулась мать Люцилия. – Сначала Христос пролетел по небу подобно огненному шару. Он сиял ярче солнца. А потом он коснулся земли – и... Произошел огромный взрыв. Самый большой из всех бывших когда-либо. Небо почернело, над всей сушей прошла гигантская волна-цунами и так далее. Не буду даже пытаться описать это событие – но оно было страшным. Случилась космическая катастрофа, и ад рухнул.

– Подождите, – сказал я, – подождите. То, что вы сейчас описываете – это история гибели динозавров. Насколько я знаю, э-э... Шестьдесят шесть миллионов лет назад в землю врезался астероид – и в результате рептилии вымерли. При чем тут Христос?

– При том, сын мой. Оказалось, что спуск Христа в ад и падение мезозойского астероида – одно и то же событие. Просто, когда его видят духовные очи – это спуск Бога в ад. А когда его следы находят палеонтологи – это планетарная катастрофа.

– То есть, позвольте... Тогда выходит, что Христос освободил души шестьдесят шесть миллионов лет назад. Но как он мог освободить динозавров после своей смерти, если они вымерли задолго до его рождения?

– Сын мой, – ответила мать Люцилия назидательно, – Христос вечно пребывает одесную Отца. Это еще на Никейском соборе разъяснили. Все земные проявления божества существуют исключительно для нашего с вами несовершенного восприятия. Искупительная жертва имеет вневременной характер. Это, если угодно, одна из космических констант. Именно благодаря своей жертве Христос способен на великие чудеса.

– У него что, была машина времени?

– Да нет же. Христос спустился в ад не из Иудеи первого века, где он проявил себя в человеческом теле, а с вечного божественного плана. Для божественного начала шестьдесят миллионов лет – это один миг.

– Совершенно верно, – улыбнулся Ломас. – Для Бога времени нет. Он живет в вечности, видит одновременно прошлое, настоящее и будущее – и способен появиться в любой их точке. Время с его текущей датой в качестве единственной опции существует только для нас с вами. Это, если угодно, одно из ограничений, наложенных на род людской. Я не нашелся, что сказать. Теология не была моим хобби. Да и физика тоже.

– Если я не путаю, – продолжал Ломас, – реальность одиннадцатимерна. А нам знакомы лишь четыре измерения – если считать время одним из них. Бог свободен не только от материи, но и от пространства-времени, которые есть просто его манифестации.

– Да, – сказала мать Люцилия. – В высших измерениях бытия нет ни расстояний, ни сроков, а одно милосердие Божье.

– Больше того, – вдохновенно продолжал Ломас, – это важнейшее откровение показывает, как именно Христос вывел падшие души из ада.

Кажется, он говорил серьезно. Видимо, епископ в его душе, обычно придавленный текучей, окончательно пробудился и оттеснил адмирала.

– Как? – спросил я.

– Ему пришлось разрушить ад. Уничтожить, так сказать, его критическую инфраструктуру.

– Планета ведь осталась, – сказал я.

– Да. Но существовавший на ней ад исчез. Когда гигантские рептилии одновременно погибли, заключенные в их телах духи потеряли возможность возрождаться в прежних формах. Таким образом Христос действительно вывел их из заточения.

– Получается, – сказал я, – мы с вами живем на руинах ада?

– Поэтический образ, – усмехнулся Ломас. – А разве нет?

– Христос что, воплотился в астероид?

– Я бы не стала теоретизировать на этот счет, – ответила мать Люцилия. – Оставим спекуляции теологам. Корректно будет сказать, что мы наблюдаем следы его спуска в ад, и для нас они похожи на мезозойский удар из космоса. Более точных формулировок лучше избегать.

– А как души грешников попадали в ад? Переносились во времени на шестьдесят миллионов лет?

– Я же говорю, – сказал Ломас, – времени в этих измерениях нет. Есть лишь состояния ума и души. Видимо, ад напоминает мир хищных рептилий. В карбоне многие думали, что ад на Марсе. Но я как епископ вполне допускаю, что падшие души возрождались в пространстве, формально отделенном от нас многими миллионами лет. Почему нет? Причинно-следственные связи при этом не нарушаются – эпоха рептилий слишком от нас далека, а у динозавров не остается человеческих навыков. Парадоксы типа «сын не дает родителям встретиться» здесь уже не работают.

Я поднял руки, показывая, что возражений у меня нет.

– Мы не коснулись самого важного вопроса, – продолжила мать Люцилия. – А именно – куда делись злые духи, покинувшие разрушенный ад. Некоторых Господь мог ввести в Царствие Небесное. Но как быть с предвечными духами зла? Куда делись они?

– Я не знаю, – ответил я.

– Сестры Мария и Тереза постигли, что те остались без обиталища, хотя не все догматики-богословы с этим согласны. С тех пор демоны хотят вернуться в материальный мир. И порой у них это выходит.

Ломас перекрестился.

– Я приближаюсь к концу своего рассказа, – сказала мать Люцилия. – Самое последнее, что сестры Мария и Тереза постигли в медитации, было одновременно и самым тревожным. Они узрели, что древнее зло опять пытается поставить пяту на нашу планету.

– В каком смысле?

– Есть единая ось зла, пронизывающая космос. Она имеет трансфизический характер и уходит в такие глубины бытия и времени, о которых мы не имеем понятия. Ад, разрушенный Христом, был вовсе не единственным и не главным. Это, так сказать, адок – как бы пещера с лавой под самой поверхностью нашей реальности. Филиал. Магма адского духа поднималась туда из невообразимых глубин космической истории. Верхний из адов разрушился, но на оси зла остались ады и адища гораздо страшнее разрушенного. Они так ужасны, что превосходят любое наше понимание.

Ломас опять перекрестился. Я на всякий случай тоже.

– Ад хочет возродиться. И у него есть предводитель. Это древний царь динозавров. Он же – один из предвечных духов зла по имени Ахилл.

Мы с Ломасом переглянулись. Ломас еле заметно пожал плечами.

– Извините мою непочтительность, – сказал я, – но Ахилл – герой троянской войны. Это раз. У динозавров не могло быть царей, потому что не было социальной надстройки. Ими управляли инстинкты. Это два. У них не было имен, поскольку они не имели письменности. Это три.

– Именно так думает наука, – ответила мать Люцилия. – И хоть мы не можем знать всего наверняка, я тоже нахожу постижение сестер странным. Но с духовными истинами такое бывает. Они загадочны и открываются только духу.

– Хорошо, – сказал я, – давайте перейдем в практическую плоскость. Что сделает этот Ахилл? Вторгнется в наш мир?

– Он в нем воплотится. И попытается возродить ад.

– Родится человеком?

– Нет. Он вселится в живущего среди нас мужчину-воина. Великого воина. У него появятся кожаные одежды, а с ними – возможность изменить наш мир темным волшебством.

– Мужчину-воина? – с сомнением спросил я. – Еще и великого?

Мать Люцилия кивнула.

– Когда это случится?

– Этого сестры не увидели. Возможно, он уже здесь.

– Значит, точно мы не знаем ничего?

– Знаем, – сказала мать Люцилия. – В своем откровении сестры определили то место на Земле, где все произойдет. Эти координаты я вам уже посылала, адмирал.

Мать Люцилия провела над столом рукой, и я увидел глобус. У северной оконечности Евразии в сушу был воткнут маленький красный флажок.

– Зло войдет в мир вот здесь.

– Сибирь, – сказал Ломас. – Малозаселенные территории. Леса. Больших городов рядом нет. Промышленных производств – тоже.

– И вот еще, – продолжала мать Люцилия. – Не думайте, что ад придет к нам в шуме и грохоте, под звуки inferнальных труб. Сестры Тереза и Мария сказали, что это случится почти незаметно. Буднично. Тем страшнее ждущее нас потом.

Ломас кивнул.

– Это все, что я имела вам сообщить. Мне пора возвращаться к моим молитвам.

– Мать Люцилия, – ответил Ломас, – Маркус будет заниматься этим делом круглосуточно. Я тоже.

– Очень надеюсь на вас, епископ. Уж кто-кто, а вы должны понимать серьезность происходящего.

Ломас склонил голову. Мать Люцилия повернулась ко мне.

– Поскольку многое будет зависеть от вас, – сказала она, – прошу вас об одном – о смирении. Отбросьте гордыню. Не думайте, что человеческий разум видит и понимает все. Допустите невозможное.

– Хорошо.

– Вы забыли спросить, зачем это нужно.

– Зачем?

– Допустить невозможное, – ответила мать Люцилия, – означает дать шанс Богу.

Я хотел сказать, что у Бога неплохие шансы и без меня, но поглядел на Ломаса и удержался.

Мать Люцилия осенила нас крестным знамением и растворилась в воздухе. Еще через миг пропало ее кресло.

* * *

– Поражает ваша выдержка, адмирал, – сказал я.

– Выдержка? – поднял бровь Ломас.

– Ну да. Слушать все это с серьезным лицом и ни разу не расхохотаться.

Ломас улыбнулся.

– Я все-таки епископ в прошлом. Если бы я хохотал, сталкиваясь с истинной верой, я был бы плохим пастырем. Кроме того, вы напрасно видите в этом анекдот.

– Вы допускаете, что Христос сошел из античности в мезозой и убил там всех динозавров? А теперь к нам ломится царь динозавров Ахилл из глубинного ада? Что это вообще такое – глубинный ад? И почему у его обитателей греческие имена?

– Знаете, – ответил Ломас, – в подобных тонких вопросах все зависит от формулировки. Ваша звучит смешно, признаю. А если сказать, что древняя планетарная катастрофа была связана с космической борьбой добра и зла и эхо ее может настичь нас в нашем счастливом зеленом мире? Это ведь совсем другое дело. Разве нет?

– Согласен, – сказал я. – Но как следствие может предшествовать причине?

– Маркус, – ответил Ломас, – когда я был епископом, у нас в баночной епархии подвизалась одна молельница по имени сестра Клептина. Однажды она медитировала на тему сотворения мира – и пережила божественное откровение. Оказалось, мир возник по ее молитве!

– Как так? – спросил я.

– Она всю юность молилась, чтобы ей позволено было спасти грешников от проклятия. Молитву услышала Вечность – и в результате произошел большой взрыв, возник наш мир, появилось зло и возникли грешные души, которых сестра Клептина начала спасать... Второе было прямым следствием первого, но произошло как бы раньше.

– Как бы, – сказал я.

– Причинно-следственные связи могут осуществляться через одиннадцать измерений, нелинейно, рекурсивно, чудесно. Вы ведь не будете отрицать возможность чуда?

– Для сотрудника инквизиции это неразумно.

Ломас засмеялся.

– Все-таки вы не безнадежны. Наш мир – это переплетение невозможностей. Именно поэтому он непостижим для примитивного ума. Не пытайтесь его понять, пытайтесь в нем выжить.

– В рабочее время я склонен делить вещи на возможные и невозможные, – сказал я. – Из прагматизма.

– Возможное появляется из суммы невозможного, – ответил Ломас, откидываясь на спинку своего черного трона. – Вероятное – из невероятного. Если бы вы помнили все, что корпорация стерла из вашей памяти, вы бы отнеслись к происходящему иначе. Вы сталкивались и с куда более странными ситуациями, просто забыли. А я помню.

– Может быть, однажды вы позволите все вспомнить и мне?

– Почему же нет. Когда-нибудь, Маркус, вы займете мое место, получите полный доступ к служебному архиву – и тогда... Но во многой мудрости много печали.

Я поглядел Ломасу в глаза. Печаль в них действительно была. И мудрость тоже. Я не знал, то ли это мастерская настройка симуляции, то ли прямой трюк с моим восприятием. Последнее было вероятней – такое проще осуществимо. Не зря Ломас начинает каждый разговор со стакана коммутационного коньяка.

– Вы действительно хотите поручить мне это дело?

– Да.

– Что от меня потребуется? Отправиться в мезозой? Отловить духов зла?

– Задача проще.

– То есть?

– Мать Люцилия оставила нам пространственные координаты грядущей манифестации зла. Я немного шукавил, сказав, что там тайга и пустое место. На общественно доступных картах действительно ничего нет. Но на них показано далеко не все. Сердоболы не слишком охотно делятся информацией с человечеством. Но у «TRANSHUMANISM INC.» лучшие карты из возможных, потому что у нас остались даже карбоновые спутники. Давайте познакомимся с театром военных действий.

Ломас провел рукой над столом, и я увидел прежний глобус с красным флажком. Он начал расти и за секунду стал таким большим, что унесся за пределы комнаты. Теперь мы с Ломасом как бы спустились к поверхности планеты – облака разошлись, я увидел далекие нити

рек, зеленые просторы тайги, а потом на том месте, где краснел флажок, появилось человеческое поселение.

Я с изумлением различил в одной из проплешин тайги тот самый каменный хоровод, который принял за остатки Гипербореи.

– Позвольте, адмирал... Я уже видел это.

– Конечно. Нейросеть готовила вас к новому заданию. Мать Люцилия прислала координаты еще неделю назад.

– А как же сестры-христианки, которых я замучил в Риме?

– Возможно, это была нейросетевая оптимизация вашей памяти.

– Так я замучил их на арене или нет?

– Сложно сказать, – ответил Ломас. – Нейросеть выбрала для вас такой реабилитационный маршрут, и теперь это ваше субъективное прошлое. Вы спрашивали, как следствие может предшествовать причине. Вот вам свежий пример. Дело в том, что для мозга причина и следствие – это просто воспоминания. А последовательность воспоминаний субъективна. Что вы вспомните первым, то первым и будет.

Я опустил взгляд на хоровод бородачей. Заросли вокруг скульптуры были безлюдны, но с высоты видно было нечто вроде городища неподалеку. Деревянный забор-частокол, бревенчатые мостики над ручьями – и серые ветряки с пропеллерами. Еще я заметил хозяйственные сараи, скотные дворики и длинные бараки весьма угнетающего вида.

Зум.

У ветряков были фундаменты – приземистые аккуратные постройки из белого и красного кирпича. Сами деревянные вышки отличались куда меньшим изяществом. Они походили не столько на ветрогенераторы, сколько на скелеты донкихотовских мельниц: грубо сбитые каркасы, отстающие доски, кривые винты.

Еще зум. Кирпичные фундаменты ветряков были обитаемы – у каждого стояли часовые в клюквенных улан-баторских халатах.

Я разглядел параллельные ряды соединенных друг с другом велосипедных рам. На них сидели люди в пестрых ватниках и обмотках – и крутили педали. Винт на ближайшей вышке неспешно вращался. Я с изумлением понял, что в движение его приводит не ветер, а сами велосипедисты.

– Что это? – спросил я.

– Ветроколония номер семьдесят два имени Кая и Герды. Крупное исправительное учреждение Добросуда, расположенное точно в месте, указанном матерью Люцилией.

– Ветроколония? Почему такое странное название?

– Вы должны быть знакомы с этим понятием, – сказал Ломас. – Это связано с вашей национальной идеей. С Крутью.

– А что такое национальная идея?

– Ой, они вам и это стерли. Ну, как объяснить... То, во что вы должны верить, пока начальство ворует. Вернее, делать вид, будто верите.

– А почему там каменный хоровод? Бородатые мужики в лесу? Я их за гиперборейцев принял.

– Это заброшенный мемориал климатолога Лукина. Они при каждой ветроколонии. В тайге таких много.

– Кто такой Лукин?

– Создатель Крути. Вернее, главный из ее теоретических источников.

– А что...

Ломас поднял руку.

– Маркус, я не могу чинить вам память в реальном времени. У вас подключена система HEV. Проверьте.

Я послал имплант-запрос – и время вдруг остановилось.

Ломас замер в своем кресле, а дым над его сигарой застыл.

Справка системы HEV была оформлена крайне консервативно – в виде висящего перед глазами столбца коричневатого текста. Сепия.

TH Inc Confidential Inner Reference

КРУТЬ – общее название широкого спектра идей и нарративов, складывающихся в национальную идею Доброго Государства: от концепции непрерывного круговорота вещей и явлений в манифестированной вселенной до вращения колеса сансары (оно же коловрат Перуна) и сакральных хороводов национального единства. Сюда же относятся пенитенциарные технологии, применяемые в сибирских *ветроколониях* (см. *ветродеяние, молитвенное ублаговторение стихий и пр.*).

В основе *Крути* лежит теория *ветрогенезиса* климатолога Лукина; базовые понятия почерпнуты из его трактата «*ДушаВетерок*», написанного в первой половине двадцать первого века в парижской ссылке. *Круть* – не столько философское или социальное, сколько нравственно-религиозное учение, ведущее, по мнению его адептов и пропонентов, к духовному преобразению и «высветлению» человека.

«Круть – в этом похожем на орлиный клич слове сливаются гордая высота духа и смирение трудового подвига, абсолютная жертвенность и высочайшее личное достоинство...» (Г. А. Шарабан-Мухлюев)

В USSA и Еврохалифате *Круть* часто называют Национал-Солипсизмом, что вызывает резкую критику со стороны сердобол-большевистских идеологов.

«Мы знаем, как уродливо перекашиваются рты их, когда они пытаются уловить нашу веселую и легкую нацидею в смрадные сети своих рациональных умов...» (Г. А. Шарабан-Мухлюев)

Ломас все так же нес сигару ко рту. Я подумал, что вполне успею закрыть еще несколько лакун в памяти.

Ветрогенезис – центральное понятие трактата «*Душа-Ветерок*». Лукин утверждал, что мировые ветра зарождаются над сибирской тайгой, и здоровье планеты (а также вся ветряная энергетика) зависят прежде всего от этого таинственного процесса («Но чу, человек – на просторе холодном затеплилась роза ветров...»). *Ветрогенезис*, таким образом, рассматривается как мистическое дыхание планеты, так что опровергнуть эту теорию научными методами трудно.

На *ветрогенезис* влияет экология сибирской тайги и моральное состояние человечества. Поскольку нравственность людей неуклонно падает, а экология ухудшается, Гайя (психический организм Земли, которую Лукин считал огромным живым существом) реагирует на происходящее в точности как человеческое тело на инфекцию – повышением температуры с целью уничтожения вредоносных микробов. В этом причина климатических перемен.

Экологический уход за сибирскими лесами и забота о людской нравственности – единственный способ предотвратить климатическую катастрофу.

Несмотря на спорную метафизику, доктрина *ветрогенезиса* по своей сути экологична и гуманна – и получила всестороннее развитие в трудах российских философов. На практике, однако, она была использована для климатических войн (см. *ветрооплата*) и организации сибирских *ветроколоний*.

Критика *ветрогенезиса* принимает различные формы – от научных работ, показывающих его теоретическую несостоятельность, до карнавальных саморазоблачений, неожиданно выдаваемых его главными проponentами вроде Г. А. Шарабан-Мухлюева в художественной прозе («Крутилово началось, – сказал Ключевой, – когда наши упыри сообразили: если начать демонстративно придуливаться по климату вместе с западными вурдалаками, те на многое закроют глаза...»).

Ветроколония(зона, тюрячка, крутильня, велодром) – пенитенциарное заведение Доброго Государства, где осуществляется перевоспитание работающих на *ветробашнях* правонарушителей в соответствии с духовной доктриной *ветрогенезиса* и *Крути*. Первоначально в сибирских лесах возводились мемориалы климатолога Лукина. Уже позже к ним стали пристраивать *ветроколонии*, куда посылали на перевоспитание преступников. В основе перевоспитания лежит так называемое *ветродеяние*, практикуемое ежедневно.

Время вернулось к своей нормальной скорости.

– Ну как? – спросил Ломас.

– Великолепно, – ответил я. – Никто не заметит, что я пользуюсь справкой.

– Я замечу. Но другие нет.

– А почему меня так быстро выбросило?

– Система следит за вашими витальными параметрами. Долгий разгон вреден. NEV нужна для того, чтобы высокопоставленный офицер или экзекютив мог получить короткую справку во время важных переговоров. Романы так читать нельзя.

– Я заметил, – ответил я. – Отключило после третьей справки.

– Когда привыкнете, время доступа увеличится, – сказал Ломас. – Делайте паузы. Сейчас можно попробовать опять.

Дождавшись, пока Ломас выпустит белый клуб изо рта, я послал запрос – и дым послушно замер в воздухе.

TH Inc Confidential Inner Reference

Ветробашня(обратный ветряк, душеспасайка и т. д.) – своего рода реверсивный ветрогенератор: если в обычном генераторе энергия ветра преобразуется в электричество, то на ветробашне электрическая энергия, полученная в результате коллективного кручения педалей, подается на *ветроредуктор* и вращает пропеллер, приводящий в движение воздух.

Этот «ноготворный ветер», как выражается официальная идеология, является чисто символическим: пропеллеры *ветробашен* движутся слишком медленно, чтобы создаваемый ими поток воздуха можно было как-то замерить. Однако, по мысли П. Лукина, это не оказывает никакого влияния на духовное измерение *ветродеяния*.

«Подобно тому, как сила человеческой молитвы ничтожна по сравнению с могуществом воли Божьей, ноготворный ветер не идет, конечно, ни в какое

сравнение с силой земных стихий. Но точно так же, как еле слышная молитва человека направляет волю Господа, *ветродеяние* таинственным и незримым образом порождает животворящий ветер искупления, веющий над планетой. Такого не постичь умом. Это открывается лишь сердцу. И тогда возникает тоненький мостик спасения в диаде Человек-Гайя... (Душа-Ветерок)».

См. также *ветроредуктор*, *угол Лукина*, *ветродеяние*.

Ветродеяние(крутилово, крутняк беспонтовый, процедура номер двадцать один и т. п.) – главная перевоспитательная практика в сибирских ветроколониях. Это духовно-спортивный искупительный акт, метафизическое значение которого не постигается рассудком и логикой. По мнению философов-комментаторов, так проявляется свойственная русской душе жертвенность: как бы искупление всех грехов человечества ценой собственного страдания перед лицом планетарного духа.

Заключенные по много часов в день крутят педали на специальных мультирамах, похожих на ряды соединенных друг с другом велосипедов без руля (вместо него к раме приварена т. н. «крестовина духа», дающая упор для рук во время процедуры). Каждая индивидуальная велорама преобразует крутящий момент в электроэнергию. Выработанное таким образом электричество подается затем на *ветроредуктор*.

Ломас снова ожил. Он с интересом глядел на меня.

– Скажите, – спросил я, – а собеседник может понять, какие темы я просматриваю?

– Это зависит от собеседника, – ответил Ломас. – Я, например, да. Вы ветерком интересуетесь. Почитайте заодно про оплату ветра. Будет полная ясность.

TH Inc Confidential Inner Reference

Ветрооплата

После резкого снижения мирового энергопотребления и отказа от ископаемых источников энергии перед сердобол-большевистским руководством встал вопрос о новых источниках ренты. Именно здесь и пригодилась доктрина *ветрогенезиса*. Сердобол-большевики потребовали от стран, занятых ветрогенерацией, «оплачивать ветер» (официально – делать отчисления на экологическую амортизацию сибирской тайги, где зарождаются все ветра). Ветрогенераторы злостных неплательщиков уничтожались из космоса (с этой целью сердобол-большевистскими хакерами была расконсервирована карбоновая орбитальная станция «Bernie» с ядерным лазером на борту). В экономическом смысле *ветрооплата* была не особо удачной попыткой придумать аналог карбонового петродоллара с привязкой к ветру вместо нефти («Деньги в современной экономике – это не товар, а просто ветер, который дует от слабых к сильным и уносит все нажитое. Дует над всей планетой. Поэтому долг-<...>ёлг, проценты-<...>еенты никого не волнуют – важно, кто держит поляну. Ветер дует, и все. Пиндосам сто лет все отстегивали чисто за ветер, а мы чем хуже? Лазер-то теперь у нас...» – из неофициальной стенограммы выступления генерала Судоплатонова перед руководством сердоболбольшевиков). Политическим следствием *ветрооплаты* стали климатические войны, в вялой форме продолжающиеся до сих пор.

– У вас в газетах об этом передовицы, – сказал Ломас. – Я полагал, вы иногда читаете.

– Нет, – ответил я, – не особо.

– А мне эти ветроколонии нравятся, – сказал Ломас. – Ветродеяние, надо же такое придумать. Нравственное преобразование через жертвенность, смирение и кручение. Мы все тут в некотором смысле педали крутим. Покрутил лет триста, и смирился.

– Да, – согласился я. – Рано или поздно все смиряются. Правда, не всем разрешают помнить, с чем именно.

– Ну-ну, Маркус, не хнычьте. По ветроколониям ясность появилась?

Я поглядел на ровные ряды велосипедных рам между бараками.

– В целом да.

Ломас провел рукой над столом, и изображение погасло.

– Почему вы не показали колонию матери Люцилии? – спросил я.

– Пришлось бы рассказывать слишком много. А посвящать ее в детали я пока не хочу.

– Почему?

– Чтобы не скомпрометировать корпорацию. Я хочу избежать конфликта интересов.

– Не понимаю. У зёков даже кукухи отбирают. Импланты в тюрьмах на спецрежиме. Какая может быть связь с корпорацией? Там же баночников нет. Или какой-то эстет с седьмого таера мотаёт там срок через зеркального секретаря?

– Я не об этом, – сказал Ломас. – Я говорю о конфликте своих интересов как епископа со своими интересами как адмирала.

– Ага... Понятно.

– Жду вас здесь завтра утром. Возможно, появится дополнительная информация.

– Откуда?

Ломас улыбнулся.

– Что должен сделать умный следователь, услышав слово «Ахилл»?

– Перечитать Илиаду?

– Нет, Маркус. Он должен проверить, есть ли в архиве секретные материалы, связанные с этим именем.

– За какой срок?

– Лет за пятьсот. Не беспокойтесь. Сеть этим уже занимается.

* * *

На следующее утро Ломас вызвал меня очень рано. Когда я вошел в его кабинет и сел напротив, он бросил на стол папку с бумагами.

Открыв ее, я увидел стопку желтых страниц. Это был машинописный отчет на бланках военной разведки – видимо, точная симу-копия оригинала (я даже ощутил затхлый запах старой бумаги). На одном из листов стояла дата – май 1943 года.

– Что это? – спросил я.

– Донесение британского агента. Действовал в Турции двадцатого века под видом искателя истины.

– Были и такие?

– Что значит «были и такие»? Все английские мистики работали на национальную разведку. На это постоянно жаловались Рамана Махарши и Шри Ауробиндо. Именно поэтому истину в те годы так трудно было найти – при обнаружении ее сразу вывозили в Лондон. Я не понял, шутит Ломас или нет, но уточнять не стал.

– Что агент делал в Турции?

– Английские спецслужбы активно внедрялись тогда в суфийские и буддийские ордена. Это приводило к любопытным результатам. Многие популярные в карбоне духовные трактаты были написаны кое-как инициированными английскими шпионами. Взять хотя бы Идрис Шаха. «Суфийские сказки», «Мудрость идиотов» и так далее. Не вызывайте сейчас справку, посмотрите потом.

– Хорошо.

– В отчете, который вы видите, описана похожая попытка внедрения, но неудачная. История показалась лондонскому начальству малоинтересной, и документ похоронили в архиве. Через сто лет гриф секретности сняли, убрав на всякий случай некоторые детали. Вчера документ нашла нейросеть – и воспроизвела в оригинальном виде. Я убрал предисловие, оставив только суть. Читайте прямо сейчас.

Текст начинался с середины предложения. Первой шла пятая страница; заглавие и имя автора отсутствовали. Видимо, Ломас уважал чужие тайны.

Я начал читать.

– 5 –

...раз повторил, что моя решимость стать суфием секретнейшего из орденов непреклонна. Ж. сказал, что я не знаю, о чем прошу – и убегу в ужасе, когда пойму.

После моей повторной просьбы посвятить меня в тайну Ж. на некоторое время пропал. Через неделю он появился и сообщил, что хочет показать мне одно место.

Мы выехали из... на рассвете на двух ослах и к вечеру добрались до каменистой пустоши. Ж. показал мне скалу, покрытую множеством прямоугольных дыр. Это были отверстия древних шахт – такие в Каппадокии не редкость. Ночь мы провели в поле. Сон в античной каменной нише оказался на редкость освежающим.

Ж. спросил, что мне снилось. Я не помнил и смог только улыбнуться, сказав, что сон был приятным. Ж. улыбнулся в ответ и заметил, что это одно из испытаний – добрые инны и джинны, стерегущие место, проверяют всех гостей, поэтому в первую ночь их укладывают спать под открытым небом.

Мы вооружились электрическим фонарем и нырнули в одну из шахт, вырубленных в желтоватом камне.

Это было нелегкое путешествие. Спустившись по квадратному колодцу в подземную пещеру, мы перешли к другому колодцу (ими был покрыт весь пол), потом повторили то же пятнадцатью футами ниже, и так несколько раз.

Заблудиться в каменном лабиринте ничего не стоило. Я даже не пытался запомнить последовательность нужных нор на ярусах, освещенных прыгающим светом.

Ж. рассказал, что давным-давно здесь было жилище людей.

– Как давно? – спросил я.

– Еще тогда, когда в Египте строили пирамиды.

Я не поверил, но не стал спорить. Мне было известно, что в Турции подобные пещеры и подземелья образуют настоящие тайные города, и в них действительно жило когда-то множество людей. Но с датировкой, подумал я, мой гид ошибся на пару тысячелетий.

Наконец мы добрались до яруса, откуда вниз уже не вел ни один новый колодец.

Это была большая круглая комната, высеченная в камне с великим тщанием. В центре ее возвышался куб алтаря, единый с полом, и аккуратностью отделки место действительно напоминало о египетских храмах. На стенах видны были фрагменты древней росписи.

– Что это? – прошептал я изумленно.

Ж. приложил палец к губам и погасил свой фонарь.

Мы оказались в полной темноте.

Мне тут же почудилось, что вокруг появились незримые во тьме люди. Я слышал их перешептывания – или был в этом уверен. Несколько минут я боролся с подступившим ужасом, а потом заставил себя успокоиться, начав особым образом дышать. Когда испуг исчез, стих и странный шепот.

Ж. снова включил фонарь и испытующе на меня посмотрел.

– Я буду выключать свет время от времени, – сказал он, – надо сберечь заряд батареи для подъема. Теперь можно говорить. Но тихо.

– Мне показалось, что рядом были люди.

– Духи героев, умерших в этой комнате, пришли на тебя поглядеть.

– Что это за комната? – спросил я.

– Могила Парижа.

Я нервно засмеялся – и напряжение спало.

Действительно, трудно было представить что-то более противоположное Парижу, чем эта каменная нора. Если у городов могут быть погребальные камеры, выглядеть они должны примерно так.

– Я не был в Париже много лет, – сказал я, – но не знал, что он умер. Хотя сейчас там немцы, а они умеют опознать все.

– Я не про французскую столицу, – ответил Ж. – Я про троянского принца. Мы говорим по-английски, и его имя звучит как французский город. Но в действительности его звали Александр. Вот здесь когда-то стоял его саркофаг.

Ж. повернул луч на куб в центре комнаты, и я заметил высеченную на нем стрелу.

– Этой камере столько же лет, сколько древней Трое?

– Древних трой было много, – сказал Ж. – Если мерить по европейскому летоисчислению, эта камера была вырублена в скале в двенадцатом или тринадцатом веке до нашей эры.

– Здесь сохранились какие-нибудь надписи?

– Совсем немного. Мы не можем их прочесть. Но есть рисунки.

Он подвел меня к стене, направил на нее луч, и я увидел двух гоплитов, черного и красного (краска сохранилась только в нескольких местах). На них были высокие шлемы с гребнями. В руках они держали расписные щиты. Скрестив мечи, воины глядели друг на друга круглыми рыбьими глазами в прорезях шлемов. В другом месте опять были изображены воины. Один стоял на коленях, сложив руки перед грудью, другой поражал его копьем в спину.

Потом я увидел пробитого стрелой героя; рядом стоял длинноволосый лучник.

Эти фрески сохранились значительно хуже первой. Игривая волнистая манера рисунков напоминала не то о детских художествах, не то о кносских росписях, найденных сэром Артуром Эвансом.

– Да, – сказал я, – это древние изображения. Или очень искусная подделка.

– Они настоящие, – ответил Ж.

– Кто эти люди?

– Ахилл и Парис. Они сражаются, и Парис побеждает Ахилла.

– Это там, где стрела?

– Да.

– А кого убивают копьем?

– Париса, – ответил Ж. – С его согласия. По специальному ритуалу.

– Про это в «Илиаде» ничего нет.

– В какой из них? Я пожал плечами.

– Если под словом «Илиада» понимать отчет о древних событиях, – сказал Ж., – илиад было несколько. Некоторые передаются только устно.

Он посветил на меня фонарем и улыбнулся.

– Хотите, я кратко перескажу одну из них?

Ту, что связана с этим склепом?

– Да, – сказал я.

– Но вам придется выслушать рассказ в темноте.

– Я готов.

Ж. погасил свой фонарь. Мы сели на каменный пол у алтаря, и Ж. начал говорить.

Перескажу то, что я понял и запомнил. Человек, известный истории как Ахилл, был не просто великим и умелым воином. Он был по-настоящему непобедимым бойцом. Стал он им во время мистерий. В своем священном путешествии он попал в мир чудовищ и позволил их царю войти в свою душу. Этот царь был древним джином, существовавшим так долго, как море и земля.

Царь джинов лишился телесного воплощения много эонов назад, когда небо уничтожило мир чудовищ – и с тех пор обретал его лишь несколько раз по недосмотру богов. Каждый раз Земля была на волосок от катастрофы. Последний раз это случилось, когда джинн вселился в воина Ахилла.

Я спросил, сколько всего было таких воплощений. Ж. ответил, что это ему неизвестно, но Ахилл не был первым. Давным-давно, еще во времена Атлантиды, тем же путем шли другие воины. Они практиковали безумие, принимая священный яд и танцуя между костров. Им грезилось, что они становятся могучими зверями с зубами больше мечей. Души этих зверей входили в них и делали непобедимыми. Главным среди этих духов был великий джинн. Тот, что вошел в Ахилла и с тех пор зовется среди людей его именем.

Я спросил, откуда взялся этот джинн.

Он один из великих столпов зла, ответил Ж., царь над джиннами и невидимым миром. Он подобен высшим из ангелов в том смысле, что владеет волшебными силами. Он может мгновенно

соединять любые точки пространства. Он способен чудесным образом менять реальность и наводить морок. Он может находить предметы, спрятанные на другом конце земли, и так далее. Но для этого он должен прежде воплотиться.

В борьбе с таким могуществом ни у кого нет шансов, сказал я.

Не все так просто, ответил Ж. Инны и джинны были наказаны Аллахом и его ангелами. Свобода их была ограничена множеством священных печатей, и история о заключенном в лампе джинне как раз об этом. Могущество Ахилла (так мы отныне называли великого джинна) ограничено тоже.

Его всесилие по воле Аллаха и ангелов обременено оковами особых правил. Джинн может войти в искуснейшего из воинов, сделав его неуязвимым. Но воин должен согласиться на это сам. Мало того, перед этим он обязан выбрать человека, который сможет его победить. Мертвых людей назначать на эту роль нельзя – победа над злом должна оставаться возможной. Это тут же проверяют ясновидящие ангелы. Мало того, захватив душу воина, джинн обязан оставаться в ней до его смерти.

Я сказал, что это разумно.

В небесных установлениях было разумно далеко не все, вздохнул Ж. В своем споре с небом джинн выторговал себе еще одну кондицию. Если одержимый им воин будет побежден в бою и убит, джинн сможет перейти в победителя. Ангелы изменили это условие на «обязан перейти в победителя», но сделали условием то, что воля победителя останется при этом свободной.

Так продолжился древний спор между небом и адом. Ангелы верили в людей, а джинн не сомневался в своей способности подчинить себе любого. Печать была поставлена. Вот только конца этому процессу положено не было. Это, конечно, стало ангельской ошибкой. И, осознав ее, ангелы начали думать, как исправить ситуацию.

Что случилось дальше, спросил я.

Войдя в Ахилла, джинн попросил ахейца назвать человека, который сможет его победить. Ахилл, по словам Ж., решил пошутить – и сказал, что одолеть его сумеет тот, кто наставит рога царю Менелаю (такого человека тогда не было, потому что Елена была верна своему мужу). Но это было возможно, и небо согласилось. Джинн обрел воплощение и стал готовиться к тому, чтобы переделать землю в дом чудовищ. Многие чудеса были тайно сотворены демоном Ахилла. Например, он волшебным образом перенес греческих воинов внутрь стен Трои. Для этого он использовал свою магию. Воины прятались в деревянном коне, напомнил я. Нет, ответил Ж. Никакого коня не было. Демон Ахилла построил из корабельных досок подобие своего тела в древности. Ахилл хотел устрашить защитников города.

Илиада рассказывает о коне, сказал я.

Возможно, чудище получилось немного похожим на лошадь, объяснил Ж. Еще вероятнее, что жители Трои просто не знали, что перед ними за животное, и сочли его лошадью. И уж конечно, первым делом они проверили, что у деревянного уродца внутри – они же не

были идиотами. Греческие воины попали в город не в чреве статуи. В этом не было нужды.

Я спросил, означает ли это, что Илиада сообщает неверную информацию. Ж. сказал, что внешняя канва событий примерно повторяла описанную Гомером, но смысл событий был иным.

Когда джинн овладел Ахиллом, древние суфии узнали от ангелов про его уязвимость и стали готовить священного воина, готового погибнуть для спасения земли. Это был царский сын Парис, согласившийся пожертвовать собой. Красавица Елена была посвящена в тайну. Царь Менелай тоже. Выполняя условие Ахилла, Елена изменила Менелаю с Парисом. После этого Парис смог победить Ахилла, поразив его из лука стрелами.

Почему он тогда целил в пятку, спросил я. Дело не в пятке, ответил Ж., он просто плохо стрелял. Вообще, Парис попал в Ахилла много раз, потому что ему помогали ангелы. Но главное началось после этого.

Когда Ахилл умер, Парис стал вместилищем джинна сам. Вот только он сделался не его рабом, а тюрьмой, потому что воля его оставалась свободной. Он провел остаток жизни в подземелье, связанный кожаными ремнями, претерпевая страшную муку. Вокруг него день и ночь стояло кольцо жрецов, певших священные заклинания. Демона удерживали на месте ангельские печати. Небесные силы вынуждали его выполнять условия договора, и он не мог покинуть тело Париса, пока тот был жив.

Когда Парис состарился, его поразил копьем другой воин-жрец, подготовленный для того же великого подвига. Он стал победителем, и джинн вынужден был перейти в новую тюрьму. И так продолжалось с тех пор.

Уже много веков грозный джинн переходит из одной живой тюрьмы в другую. Именно этого духа и стережет Орден. Прежде его членов называли мистами, затем суфиями – но сама их древняя миссия не изменилась. Это скрытые защитники человечества.

Завершая рассказ, Ж. сказал, что теперь я знаю, почему действия Ордена покрыты тайной. Он спросил, готов ли я принести себя в жертву подобным образом. Если да, то мистерия произойдет в этой самой комнате. А потом, когда мое тело состарится и более не сможет быть тюрьмой, я стану одним из живущих здесь духов сам.

Признаюсь, я испугался. Первой моей мыслью была такая: эти люди, видимо, практикуют меняющие сознание ритуалы. Возможно, с использованием наркотических веществ. Они искренне верят в эту легенду, находят ей подтверждение в видениях – и приносят себя в жертву своему страшному мифу. И так длится уже много веков.

Подождав несколько минут, Ж. включил фонарь.

Видимо, он ощутил мой страх и сказал, что у меня будет время подумать – а сейчас следует немедленно уходить, потому что моя нерешительность оскорбляет духов.

Поднявшись на поверхность, мы вместе вернулись в... Через неделю я попытался связаться с Ж. по обычному каналу, но не смог. Больше я не встречал его ни разу.

* * *

Дождавшись, пока я переверну последнюю страницу, Ломас забрал у меня папку.

– Вы доверяете этому источнику? – спросил я.

– Другого нет, – ответил Ломас. – И дело не в доверии.

– А в чем?

– В параллелях. Вспомните рассказ матери Люцилии.

– Да, – согласился я.

– Сколько совпадений вы видите?

– Минимум два. Имя «Ахилл». И дух древнего зла, которого этот суфий назвал джинном.

– Параллелей четыре, – сказал Ломас. – Еще динозавры.

– Динозавры?

– В английском донесении само слово не употребляется. Но есть чудовища. И небо, уничтожившее мир чудовищ.

– Это может быть эхом мифа, – ответил я. – Такие есть во всех культурах. Чем еще заниматься небу, как не бороться с чудовищами?

– Да, – сказал Ломас. – Но представьте сколоченного из досок тиранозавра-рекс, которого доверчивые троянцы принимают за большую лошадь с широким тазом. Не знаю почему, эта картина меня убеждает. Такое не выдумаешь.

– Выдумать можно что угодно.

– Возможно, – кивнул Ломас. – Но мать Люцилия и этот английский агент говорят о планетарной катастрофе. О каком-то переформатировании земли по планам демона.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда вопрос. Почему демон Ахилла очутился на свободе? Ведь его дух веками переходил из тела в тело.

– Все в мире приходит в упадок, – ответил Ломас. – В том числе наша с вами служба безопасности. Да, да, Маркус – я возглавляю ее достаточно долго, чтобы это видеть. Думаю, с Орденом произошло то же. Последний из суфиев умер в одиночестве, не найдя преемника. Наверно, в новое время это было непросто – они вон даже англичан пытались вербовать. Или, может быть, преемник был найден, но смерть прошлого суфия случилась внезапно, и члены Ордена не успели совершить свой ритуал.

– Да, – сказал я, – вариантов много.

– Идем дальше, – продолжал Ломас. – Давайте допустим, что обе истории – об одном и том же.

– Давайте.

– Мать Люцилия показала нам место, где воплотится демон Ахилла. Что нам следует в этом месте искать?

– Насколько я понял, – ответил я, – демону для воплощения нужен искусный воин. Но у мужчин на поверхности действует гендерная коррекция. Тестостерон уже много лет ничего не значит. Какой может быть непобедимый воин с имплантом? Ему «Открытый Мозг» всю эту непобедимость тут же и скорректирует.

Ломас кивнул.

– Здесь не до конца ясно, – продолжал я, – может ли это быть женщина? Какая-нибудь чемпионка по фембоксу, мотающая срок в колонии?

– Хороший вопрос, – сказал Ломас. – Английский информатор говорит об искуснейшем из воинов, но пол его не обозначен. Мать Люцилия, однако, совершенно определенно назвала воина мужчиной.

– Да, – согласился я. – Удивительно.

– Возможно, это кто-то из охранников ветроколонии? – предположил Ломас. – Мужчинам в боевом модусе снимают имплант-коррекцию.

– Только на фронте, – уточнил я. – И только перед атакой. В ветроколониях серьезные силовые функции выполняют женщины. Мужчины обычно сторожат только мужчин.

– Загадка, – сказал Ломас. – Мужчина, но могучий воин. Не потому ли у суфиев не нашлось в наши дни подходящего кандидата? Суфии ведь сейчас тоже с имплантами.

– Может, мы зря нацелились именно на ветроколонию, – сказал я.

– Почему?

– В сибирских лесах живут так называемые бескукушники. Это мужчины и женщины без имплантов. Их ловят, конечно, но они уходят все дальше в тайгу. Недалеко от ветроколонии может быть их тайное поселение. Джинн выберет одного из тамошних мужчин. Любой бескукушник будет искусным воином по сравнению с остальными.

– Нет, – сказал Ломас. – Я уверен, что все случится именно в ветроколонии.

– Почему?

– Есть еще одна связь. Самая поразительная.

– Какая именно?

– Динозавры, – ответил Ломас. Я изумленно посмотрел на него.

– В каком смысле?

– Джинн был царем чудовищ, – сказал Ломас. – Он вселился в Ахилла во время ритуально психотропного путешествия. Греки такое любили. Черт, Маркус, зря мы вам стерли память об Элевсине. Сейчас вы пригодились бы как консультант.

Я криво улыбнулся.

– Если сформулировать суфийскую легенду чуть иначе, – продолжал Ломас, – Ахилл в своих галлюцинациях увидел ноосферный отпечаток мира динозавров. Тот самый древний ад, о котором говорила мать Люцилия. Подобные кошмары регулярно случаются с психонавтами во время приема ЛСД. Возможно, вещества будят какую-то зону мозга, где до сих пор дремлет рептильная память. Это настолько частый опыт, что психонавты описали даже особенности полового влечения у гигантских рептилий. Оно было связано с цветом чешуек вокруг глаз, формой спинного гребня и так далее.

– Тогда при чем здесь ветроколония? Вы нашли там динозавров?

Ломас довольно поглядел на меня.

– Нашел, Маркус, нашел. Только не я. Нейросеть.

Адмирал щелкнул пальцами, и в центре кабинета возник хрупкий мужчина лет сорока-пятидесяти с лысым черепом и интеллигентным, но несколько скорбным лицом.

– Знакомьтесь. Дронослав Сердюков. Руководитель исправительных программ ветроколонии номер семьдесят два имени Кая и Герды. Не бойтесь, он нас не видит. Это запись.

Сердюков был одет в синий жандармский мундир с университетским ромбом на груди. Посмотрев сквозь меня, он зевнул.

– Капитан Сердюков отвечает за социальную реабилитацию заключенных, – сказал Ломас. – За крутилово, если попросту. *Ветрокум*, как его называют ээки.

– Заведует педальным спортом?

– Да, – ответил Ломас. – Завтра у него встреча в московском офисе «TRANSHUMANISM INC.»

– Он что, хочет купить первый таер?

– Пока нет. Он встречается с менеджерами «Юрасика». Это бутик для новобрачных, где становятся динозаврами в поисках свежих переживаний.

– Да, – сказал я. – Действительно зацепка. Ломас засмеялся.

– Когда мы отправляли вас в симуляцию «ROMA-3», вы в Рим не очень-то и хотели. Сказали, что предпочли бы командировку в «Юрасик». Помните?

– Нет, – ответил я. – Тоже стерли. А зачем сердобольскому жандарму встречаться с менеджерами «Юрасика»?

– Сердюков не просто жандарм. Это ученый, причем широкого профиля. Он имеет научные работы по пенитенциарной педагогике и психологии. Не сердобольский политпопугай, а настоящий специалист международного уровня. Кроме того, вольнодумец в душе.

– Такие в Добросуде еще водятся?

– Да. Но это, как вы понимаете, не афишируется.

– А чего он тогда пошел в жандармы?

– Иначе нельзя. Штатскому в вашей пенитенциарной системе делать нечего. Никто не будет подчиняться.

– Ага, – сказал я, – ага... И чего он хочет?

– Завтра узнаете сами. Начинайте следить за ним по омнилинк-связи.

– Через камеры офиса?

Ломас поглядел на меня ласково.

– Зачем. Через имплант самого капитана.

– Но это незаконно.

– Зато мы сможем отследить даже мысли Сердюкова. Хотя бы некоторые. Будем знать, что происходит.

– Корпорация гарантирует неприкосновенность частного опыта.

– Я не юрист, – ответил Ломас. – Но в мелком шрифте наверняка есть какой-нибудь пункт, по которому это допустимо в исключительных обстоятельствах. А когда именно они исключительные, решаем мы. Сердобольские хакеры пользуются теми же методами каждый день. Чем мы хуже?

Я собирался сказать, что мы гуманное добро с чистыми руками, а в сердобольской хунте собрались душители всего светлого, но передумал. Ломас мог решить, что я над ним издеваюсь, а это нарушение субординации.

Я по-восточному сложил руки перед грудью.

– Слушаю и повинуюсь, адмирал.

– Вот это лучше, – сказал Ломас и кивнул на поднос с коньяком. – На посошок, мой верный джинн. Терпеть не могу пить в одиночестве. А приходится все чаще.

Мы чокнулись.

– Проследите за встречей, и сразу ко мне с отчетом. Вникайте в происходящее как можно глубже. Отслеживайте мысли и пользуйтесь спецсправкой. Мы должны понимать все.

* * *

Classified
Field Omnilink Data Feed 23/13
P.O.R Капитан Сердюков

Москва. Как много в этом звуке для сердца русского слилось...

Слилось вообще все. Потому что эти суки сливали совершенно целенаправленно. Лет триста. Если не все пятьсот. И вот имеем то, что имеем.

Обнаружив в сачке ума эту вечную российскую мысль (наверно, омнилинк распознал ее именно потому, что подобные ментальные воробы населяют ноосферу Отчизны веками), капитан Сердюков вздохнул, отхлебнул полугара из фляжки с серебряным ветряком и оглядел переулок.

– Тупик Батыя, 18. Вроде тут. Ну и название придумали, идиоты...

Московский офис «TRANSHUMANISM INC.» был двухэтажным зданием в центре Сита, недалеко от «Головы Сталина» и «Джалатаранга».

Место было дорогое и пафосное. Но даже здесь, в тихом сердце Москвы, корпоративный особняк из сибирской лиственницы на огороженном участке не столько заимствовал престиж у среды, сколько наделял им окружающее. Это понимал и дурак, а капитан Сердюков дураком не был. Дураков в политические жандармы не берут.

Сорвав с обочины лопух, Сердюков вытер навоз с левого сапога, пробормотал «злобро добло» и отнес лопух на угол, где его теоретически могла съесть одна из бродивших по улице свиней.

Прошла всего минута наблюдения, а мне уже потребовалась справка. Время остановилось, и Сердюков замер с поднятой ногой.

TH Inc Confidential Inner Reference

Злобро Добло(Добло Злобро) – мантра последователей теории *Доброго Зла*, которой они сопровождают совершение т. н. «малых недеяний».

За первой справкой сразу понадобилась вторая.

Доброе Зло – нравственно-этическое учение, распространенное среди интеллигенции Доброго Государства. Инверсно переключается с прекарбоновой теорией «малых дел».

Название заимствовано из «Фауста» Гёте, где Мефистофель говорит о себе: «Я часть той силы, что постоянно желает зла и постоянно творит добро». Имеет глубокие и прочные корни в русской литературной традиции.

Это не столько продуманная до мелочей доктрина, сколько своеобразный этический код, принятый среди сердобольской элиты, пытающейся сохранить в себе некоторую тайную внутреннюю рукопожатность.

Суть воззрения в том, что в условиях полной и окончательной победы зла в планетарном масштабе прямое противостояние ему делается равносильным самоубийству, а самоубийство – грех. Отказ от сотрудничества со злом таким образом греховен.

Но, поскольку в мире борется много разных форм и видов зла, можно использовать их противоречия и нестыковки таким образом, чтобы возникал эффект «доброго рикошета»: некое неочевидное тайное благо, к которому зло не может предъявить формальных претензий. Другими словами, служить злу следует так, чтобы реальным результатом становилось добро или хотя бы его «кармические прекурсоры», способные помочь добру спонтанно проявиться в будущем.

Учение *Доброго Зла* официально запрещено в Добром Государстве, поэтому не опирается на организационные структуры. Мало того, любые попытки создать их в Добром Государстве (или за рубежом) немедленно объявляются операцией враждебных спецслужб.

Кроме Доброго Государства, adeпты учения живут в Еврохалифате, USSA и Да Фа Го. Там оно тоже запрещено: по официальным доктринам этих стран в них и так победило добро, поэтому подобные воззрения являются фейк-идеологиями, распространяющими ложную информацию.

Сердюков опустил ногу и проверил время.

Было десять пятьдесят восемь.

Подождав, пока розовые цифры на ретине покажут одиннадцать ровно, капитан подошел к двери особняка, поднял дверной молоток и звонко постучал им в металлическую планку.

– Это медь ударяет в медь, – долетел из динамика голос расстрелянного поэта. – Я, носитель мысли великой, не могу, не могу умереть... Присоединяйтесь к баночному проекту «Золотое Сердце России»! Скидка на первый и второй таеры для ветеранов гражданской администрации!

«Издеваются, – подумал Сердюков. – Великая мысль у гражданской администрации? Это какая же? На банку слямзить? Но таргетирование, конечно, умное. Находят кого надо».

Дверь открылась.

На пороге стояла перекачанная фема с бугрящимися от болта-неваляшки шароварами и хохломскими нунчаками за поясом. Сердюков даже напрягся. Не потому, что редко видел таких, а потому, что видел их в ветроколонии слишком часто. Правда, там они рассекали без нунчаков. А иногда и без шаровар.

«Тыкомка, – подумал он. – Вышибала. Где у нее единорог-то?»

Татуировки единорога под ухом у феми не было. Сердюков понял ошибку, увидев кукуху с феминитивным крестом – кружком вниз. Могилка мохнатки, как говорят в народе. Нейролесбиянки таких не носят.

Феминитивный крест означал биологическую цисгендерность, но исключительно с целью репродукции. Хрен редьки не слаще – выйдет замуж, даст себя оплодотворить, родит Мощнопожатному улан-батара, а потом начнет пердолить мужа нейрострапоном, пока тот не помрет от разрыва кишечника. Наверняка у нее «Fema XXL». И без креста понятно. Не по бугру на шароварах, по роже.

– Чего хотим, служивый? – басом спросила фема.

– Назначено, – ответил Сердюков, чувствуя, как жалко звучит в этом мире его тенорок.

– На сколько?

– На одиннадцать.

Фема прикрыла глаза, связываясь с системой через имплант, потом открыла их и уточнила:

– Дронослав Сердюков?

– Так точно.

Фема подобрела – и широко открыла дверь.

– Заходите, товарин жандарм. Госпожа старший менеджер ждут-с.

Ты смотри, не окрысилась на жандарма. Может, у нее потому крест, что сердомолка? Они тоже такие носят. Но спрашивать было неловко. Да и времени не осталось – фема уже вела Сердюкова в кабинет на втором этаже.

Пока они шли, Сердюков заметил еще двух таких же вышибалок. Секьюрити что надо, подумал он, нам бы так в колонии...

Открыв дверь с чешуйчатой надписью «Нейробутик «Юрасик», фема впустила Сердюкова в начальственный кабинет.

Менеджер был молодым парнем самого цисгендерного пошиба. Он сидел за столом зеленого сукна. Вокруг стояло несколько уменьшенных копий хищных динозавров. Двое спаривались, навечно застыв в пыльном пластмассовом экстазе.

– Здравствуйте, господин капитан, – улыбнулся менеджер. – Меня зовут Лаура Гусман. Ждала вас чуть позже. Садитесь, пожалуйста.

По легчайшему акценту и стеклянному блеску глаз Сердюков понял, что перед ним зеркальный секретарь. А потом увидел чей: на стене висела коричневая монохромная фотка пожилой монголоидной женщины в белом платье – с лентой и массивными звездами орденов.

Видимо, так выглядела когда-то хозяйка низкопоставленного баночного мозга, говорившая сейчас с Сердюковым через локальный адаптор.

Сердюков сел на краешек стула, как будто перед ним был генерал жандармерии. Впрочем, менеджер «TRANSHUMANISM INC.» будет покруче любого жандармского генерала.

– Благодарю за согласие встретиться, мэм.

– Лаура, – поправил секретарь.

– Да, Лаура. Это для меня большая честь – быть принятым лично. Самим, так сказать, оригиналом. Весьма рад.

Зеркальник молчал – видимо, хозяйка подсасывала и анализировала информацию.

– Набокова не читала, – ответил наконец зеркальник. – Ваш намек на роман «Лаура и ее Оригинал» уместен и остроумен. Но радоваться рано. Дело важное и нестандартное. Обычно наша корпорация не занимается подобным. Перед тем, как мы примем окончательное решение, я хотела бы выслушать вас и задать несколько проклятых вопросов. Извините, это я в том смысле, что мы тоже знакомы с русской культурой.

– С удовольствием отвечу.

– Какую должность вы занимаете?

– Начальник отдела перевоспитания ветроколонии номер семьдесят два имени Кая и Герды. Капитан жандармерии. Также доктор педагогических наук и бакалавр медицины. Я ученый, но в нашей стране без погон трудно. Зеркальник поднял руку, останавливая Сердюкова, и разразился звонким молодым смехом.

– Извините, – сказал он, – не удержалась. Герда и Кай – это та самая парочка, которая убила барона Ротшильда? Исправительное заведение названо в их честь?

– В Добросуде их считают национальными героями, – ответил Сердюков с виноватой улыбкой. – Конечно, с серьезными оговорками, но у нас все герои такие.

– Я, кстати, так и не поняла, кто убил барона на самом деле, – сказал зеркальник. – В иммерсиве это делает не девушка, а парень. Желтоволосый.

– В иммерсиве?

– Да. Там такая потрясающая любовная сцена, после которой Кай отрывает у барона его нейроинструмент и им же пробивает ему головную пластмассу. Иммерсив называется «Serdoboy». С синтетическим Рудольфо ди Каприо в юности.

– Не смотрел, – сказал Сердюков. – Нам не показывают. А барона на самом деле убила Герда. Действительно нейрострапоном. Но не во время секса, а в ходе спортивного поединка по фембоксу. Барон был уникален – он не только носил свою банку на специальном экзоскелете, но вдобавок любил рискованные спортивные поединки. Герда погибла, а Кая потом обменяли. У него в нашей культуре двусмысленный статус. С одной стороны, национальное достояние, с другой – рептильный влиятель. Вбойщик KGBT+, слышали про такого?

– Странно, – сказал зеркальный секретарь, – что колонию, где должны перевоспитывать преступников, называют в честь террористов. Тем более что даже в вашей собственной культуре у них двусмысленный статус.

На скулах Сердюкова на секунду выступили желваки.

– Я понимаю ваши чувства, – ответил он, – но это название придумал не я. А перевоспитание зависит не от названия, а от применяемых администрацией методов.

– И кого же вы перевоспитываете?

– Всех. В том числе и самых тяжелых преступниц и преступников. Лидеров уголовного мира. Так называемых *петухов* и *кур-заточниц*. Знаете, что это такое?

– Минуточку, – сказал зеркальник и закрыл глаза.

Это мне тоже стерли, понял я, и сделал запрос.

Справочные статьи оказались увесистыми. Но Ломас велел вникать.

TH Inc Confidential Inner Reference

Петух в русской криминальной традиции.

Сексуальные проявления в уголовной среде репрессивных социумов носят социально детерминированный и культурно обусловленный характер. Половое насилие становится как бы кривым зеркалом социальных репрессий.

Историческая Россия не была здесь исключением. Тройка экспертов-филологов из НКВД могла объявить любого жителя страны вражеским агентом и сослать в Сибирь. Но точно так же трое воров в сибирском зиндане могли объявить любого сосланного «пернатым» и сослать гораздо дальше – на *петушатник* (место в камере, где ютились *петухи*).

Изначально *петух* – это оскорбительно-презрительное название человека, над которым уголовники совершили сексуальное насилие или ритуально надругались (по тогдашним моральным представлениям, широко тиражировавшимся культурой и СМИ, тюремное насилие оскверняло не насильников, а изнасилованного).

В карбоне термин охотно использовали российские интеллигенты и политики – как т.н. «либералы-западники» и «эмигранты духа», так и борцы за автономию национального сознания. Для политиков и философов этот дискурс был способом показать свою народность.

Еще в карбоне культурологические и философские аспекты этой темы были исследованы Варварой Цугундер в знаменитом эссе «Пятый Цикл»: «Петушатник... стал как бы невидимым, но необходимым противовесом, тянущим ввысь фаллический дирижабль патриархальной духовности... Вряд ли случайность, что тема анальной пенетрации получает такое распространение в новой поэзии. Песни, стихи и куплеты, уподобляющие военное кровопролитие победоносному анальному сексу, появляются по обе стороны линии фронта. Однако куда интересней другое – в мирное время объектом творческой рефлексии становится страх кастрации и кражи члена. Это представляется крайне важным, потому что именно здесь современная литература прорывает знаменитые «четыре цикла» Борхеса¹ и вырывается на оперативный простор. Если анальное изнасилование можно уподобить штурму крепости (с одновременным возвращением домой), то кража члена – это пятый, не встречающийся в ветхой культуре метанарратив...»

Петухи в карбоне были самой угнетенной социальной кастой. Но, как мы знаем из Евангелия и социальных наук, в истории существует закон инверсного возвышения. К началу зеленой эры большинство населения Добросуда было чипировано, и «Открытый Мозг» стал корректировать социально вредные проявления токсичной маскулинности на церебральном уровне – через имплант. Подсветка «Открытого Мозга» и широкое распространение нейрострапонов превратили женщину в доминантный гендер. Все то, чем прежде кичилась криминальная среда – мышцы, тестостерон, агрессивность – потеряло силу.

Коррекция гендерных стереотипов привела к тому, что петухи начали возвышаться в криминальной среде. Происходило это потому, что большинство уголовников старой школы были носителями токсично-агрессивной маскулинности. *Петухи*, наоборот, были женственными,

---

¹ Четыре цикла Борхеса: 1) штурм и оборона крепости 2) возвращение 3) поиск 4) самоубийство бога. По мнению аргентинского писателя, это четыре главных архетипа мировой литературы, к которым сводится любая история.

вертлявыми и хилыми – и очень многие из них попадали под empowerment «Открытого Мозга».

Самый захудалый *петух* мог теперь избить любого бугра точно так же, как это делали фемы и представители других угнетенных сообществ. Подобная социальная инверсия в российских тюрьмах была побочным и совершенно непредвиденным эффектом прогресса.

Уже в двадцать втором веке *петухи* захватили власть в мужском сегменте русской уголовной общины и радикально трансформировали все ценности криминальной субкультуры. Желая понять, насколько монументальным был этот сдвиг, могут проследить за пост-карбоновой эволюцией *Глубинного Шансона*.

Гомосексуальность для современных *петухов* в целом не характерна – данный уголовный статус не имеет отношения к ориентации в сфере влечения и личным сексуальным практикам. Из правила есть исключения (т. н. *петухи-законники*, уголовные ультра-традиционалисты, практикующие ритуальную содомию в инициатических ритуалах).

Петухи-отказники, составляющие элиту воровского мира, считают анально-фаллическую пенетрацию необязательной, вредной для кишечника и морально унижительной для мужчины (за что *куры* объявляют их мизогинами и агентами патриархии). При инициации *петуха-отказника* дырявится пустая консервная банка или какойнибудь другой символический объект.

Причина, по которой корректирующая имплант-подсветка «Открытого Мозга» делает *петуха* доминантным самцом, точно не установлена. Известно, что для *петухов* в целом характерен пониженный тестостерон и высокий эстроген – но при вынесении гендерного вердикта система оценивает крайне сложную совокупность параметров, поведенческих факторов, медицинских и психологических реакций. Учитывается и прежний унижительный статус *петухов*.

Поскольку это политически чувствительный вопрос, корпорация не может руководствоваться только биологическими маркерами в своей программе гендерной аффирмации, навязывая архаичное понимание того, кто является мужчиной, а кто женщиной.

Однако в тоталитарных обществах нельзя полагаться и на личную самоидентификацию, поскольку на нее может влиять давление репрессивной машины (см. *gender denial*). Считается, что в сложных случаях вердикт о гендере членов и членок репрессированных сообществ гуманнее всего доверить нейросети – и строить дальнейшую мозговую коррекцию на этой основе.

Поэтому появление некоторого числа биологических мужчин (менее доли процента), пользующихся женскими имплантправами, неизбежно.

Система NEV работала значительно быстрее Лауриной справки – видимо, ее корпоративный статус не давал ей подобных привилегий. Я уже кончил читать, а ее зеркальник по-прежнему глядел в пустоту над головой Сердюкова – значит, она все еще переваривала информацию. Оставалось время. Глубинный Шансон и петушиная традиция меня пока не интересовали. Я решил уточнить, кто такие *куры-заточницы*.

Статей выскочило сразу две.

TH Inc Confidential Inner Reference

Куры в русской криминальной культуре.

После признания нейрострапона неотъемлемой частью женского тела началась великая инверсия полов. Став доминантным пенетратором, женщина естественным образом стала и доминантным гендером. Криминальные фем-сообщества Добросуда постепенно перехватывали контроль над серыми, черными и зелеными финансовыми потоками.

Уголовные лидерки называли себя *курами* – чтобы подчеркнуть, что новый фем-блатняк является противовесом традиционному воровскому миру, где доминировали *петухи*. Интересно, что слово «кур» во многих славянских языках означает либо петуха, либо мужской половой орган, поэтому корневая связь этих субкультур не подлежит сомнению – и подчеркивает новую роль женщины.

Феминизация преступности была общемировым процессом, но в российской уголовной среде он затянулся – *петухи-отказники*, управлявшие воровским общаком и дискурсом, всячески противились прогрессу и не позволяли фемам занимать высокие посты в криминальной иерархии, ссылаясь на традицию.

Эта борьба приняла экстремальные формы войны на уничтожение между *петухами* и *курами*. *Куры* считают петухов привилегированными агентами патриархии, ее последним оплотом. *Петухи* считают *кур* сумасшедшими феминистками.

С точки зрения социальных скриптов «Открытого Мозга» никакой разницы между *петухами* и *курами* нет.

Куры-заточницы (*шльнды* и т. д.)

Заточничество – извращенное ответвление фембокса, похожее на *пайкинг*.

Если *фембокс* – это в целом легальный спорт, где фефы дерутся специальными нейрострапонами до наступления оргазма, *заточничество* – кровавый уголовный культ. В нем используется нелегально изготовленный нейрострапон-заточка (*цугундер*).

Макет заточки выпиливают в тюрьме (считается хорошим тоном, если кура сделает болванку из подручных материалов сама). Затем макет посылают на волю для распечатки на принтере и последующей установки сенсоров, имплант-линков, аккумуляторов и нано-присосок. Некоторые *куры* используют до пяти *цугундеров* одновременно.

Между *пайкингом* и *заточничеством* существует важное различие. При *пайкинге* фефа убивает мужчину нейрострапономпикой и получает от этого эротическое наслаждение. *Заточничество* – прежде всего уголовная практика. Кура убивает мужчину (в идеале *петуха*) публично, по особому обряду, описанному в *Молении Марфы-Заточницы* и других феминистических апокрифах.

Практически все высокоранговые *куры* в уголовной иерархии Добросуда являются *заточницами*.

Время еще оставалось.

Цугундер (*заточка, итырь, пика, пикало* и т. п.) – особое пенетрационно-эротическое холодное оружие, используемое в *пайкинге*. Изготавливается в нелегальных мастерских по индивидуальному заказу.

Своего рода стилет из высокоуглеродистого металлизированного пластика, пронизанного нервными сенсорами-коммутаторами. Поверхностная плотность сенсоров достигает максимума рядом с острием стилета – именно там он наиболее чувствителен.

Длина и форма *цугундера* могут сильно различаться от куры к курице. Инструмент подключается к импланту точно так же, как обычная «Fema +».

Назван в честь карбоновой феминистки *Варвары Цугундер*.

С именем *Варвары Цугундер* связывают (обычно безосновательно) и другое *феморужие* – например, вагинальный капкан «Fema-ult» с титановыми зубцами, показанный в иммерсиве «Catch-69».

Варвара Цугундер – феминистка и блогерка, жившая в позднем карбоне. При жизни была известна как анонимная интернет-активистка, эссеистка и теоретик радикального феминизма. «*Избранные посты Варвары Цугундер*» – настольная книга фем-активисток даже в наши дни.

Приобрела всемирную известность посмертно после публикации другой своей книги – «*Дневников Варвары Цугундер*». Это фрагменты тайного дневника, в котором описано убийство девяноста шести мужчин специально изготовленной заточкой в виде заостренного мужского члена.

В позднем карбоне не существовало подключаемых к импланту женских нейрострапонов, и стилет В. Ц. был просто холодным оружием. Тем не менее именно ее принято считать основательницей *пайкинга* – и нейрострапон-заточку называют *цугундером* в ее честь.

В. Ц. – легенда криминальных фем-сообществ и часто изображается на тюремных татуировках.

Статус В. Ц. в мировой культуре является спорным. В конце своего дневника В. Ц. выразила раскаяние в совершенных убийствах, признав, что к личному счастью нельзя прийти через пролитую кровь. Поскольку она жила в условиях патриархального гнета, прогрессивные фем-критики считают такое признание достаточным для ее посмертной реабилитации.

Многие исследователи не верят, будто одна фема могла убить столько мужчин, тем более что В. Ц. жила до начала имплант-коррекции гендерных стереотипов.

Личность В. Ц. точно не установлена. Считается, что после серии убийств она ушла в глубокое подполье. Со своими сторонницами и последовательницами она общалась в основном с анонимных аккаунтов в сети. Многочисленные теории на этот счет приведены в исследовании «Тайные шифры Варвары Цугундер».

Одна из главных идей В. Ц., которая до сих пор дебатруется – это введение принудительной имплант-коррекции либидо (ЛИКОР).

Эта процедура не является для мужчин обязательной, но фем-активистки борются за ее внедрение для борьбы с *тэйстизмом* и *герантофобией*. Главным препятствием считается активность теневого хелпер-лобби, наживающегося на индустрии секс-рабынь, получаемых из биороботов путем нелегальной замены программного обеспечения.

Стилет В. Ц. в настоящее время хранится в нью-йоркском музее Метрополитен в специальном зале славы вместе с *Чашей Варвары*. Его стоимость оценивается девятизначной цифрой. См. *реликвии Варвары Цугундер*.

Реликвии Варвары Цугундер

Стилет-заточка (*цугундер*) и *Менструальная Чаша* (*Чаша Варвары, Радфемграаль и пр.*) хранятся в Музее Метрополитен.

Стилет-заточка – это круглый кинжал из высокоуглеродистой стали (длина 33 см), повторяющий по форме мужской половой орган, остро заточенный на конце. *Менструальная Чаша* – позолоченный серебряный кубок со следами зубов и сабельных ударов, точное происхождение которого неизвестно.

Как предполагают современные исследователи, появление второй реликвии связано с неточностями автоматического перевода. *Menstrual Cup* – силиконовая чашечка для женской гигиены – стала в нем *Менструальной Чашей*. Затем, как часто бывает в истории религий, у ошибочно возникшего термина появился физический репрезентант.

Предполагается, что радикальные феминистки поклонялись *Чаше* в своих катакомбах во времена позднекапбуновых репрессий, но в чем заключался ритуал, сегодня неизвестно.

Чаша сделалась одним из распространенных символов современных фем-активисток.

Цугундер Варвары считается аутентичным. В отношении *Радфемграаля* мнение ученых так же однозначно – большинство исследователей выражает сомнение в подлинности объекта. Но на его культовом статусе это не сказывается никак.

Участницы культа обосновывают аутентичность *Радфемграаля* постами Варвары Цугундер.

Зеркальник Лауры наконец пришел в себя. – Да, – сказал он, – картина ясна. Действительно ли конфликт между петухами и курами настолько серьезен?

– Практически гражданская война в криминальной среде. И гибнут в ней не только уголовные лидеры.

– Я про это прежде никогда не слышала, – ответил зеркальник вежливо, но с ощутимой скукой в голосе. – Спасибо, что открыли для меня еще один аспект вашей удивительной культуры. Петухи и куры. Буду знать.

– В Голливуде, – сказал Сердюков заискивающе, – эта тема вызывает определенный интерес. Они сделали несколько иммерсивов, нам тут не стримят, но вы, конечно, можете окунуться... Западные СМИ рекомендуют «Cocka-doodle-die» с вашим любимым Рудольфо ди Каприо, который там не синтетический, а настоящий, хоть и старый. Играет петуха Гашека. Такой криминальный лидер в Добросуде действительно был – его убили фемы в ветроколонии.

– Спасибо за совет, – сказал зеркальник. – При случае поинтересуюсь. Рудольфо ди Каприо не мой любимый, я просто вспомнила.

– Теперь перехожу к сути. Мы хотим взять в аренду у корпорации два трип-бокса из бутика «Юрасик». Для того, чтобы некоторые из заключенных могли погрузиться в симуляцию прямо в местах, так сказать, не очень отдаленных. Оплату в двойном и даже тройном размере мы гарантируем. Переводим на любые счета в гринкоинах. В ваших внутренних документах может фигурировать любая сумма.

– Как будет произведена оплата?

– С чистого кошелька. За консультации. На любой другой кошелек. Можно в имплантсумочку, если знаете, как подмыться. Платеж может быть произвольно разбит – сколько пойдет корпорации, сколько за консультацию, нам не важно. Квитанции не нужны.

– Откуда у вас такие возможности?

– У нас в ветроколонии сидит главный... Ну, один из главных петухов Добросуда. Известнейшие куры-заточницы. Высшая криминальная элита. Эти люди управляют огромными средствами. После срока их ждут банки. Ваша собственная корпорация пристроит их в вечности без всяких дополнительных условий и вопросов.

– Понятно, – сказал зеркальник. – Вы хотите услаждать криминальных авторитетов благами цивилизации прямо в тюрьме. И платить отмытыми деньгами. Это классическая коррупция.

– То же самое практикуется в американских тюрьмах, – ответил Сердюков. – И в Еврохалифате.

– У этих процессов другая оптика, – сказал зеркальник. – Высокопривилегированные правонарушители в USSA имеют достаточно медийных ресурсов, чтобы считаться *жертвами* и *выжившими*. Общественное мнение им сочувствует. То же касается и Еврохалифата. Если наша корпорация предоставляет таким заключенным доступ к спецдосугу, это рассматривается общественным мнением скорее позитивно.

– Общественное мнение делают в Гамбурге, – сказал Сердюков. – Из лунного света и ослиной мочи. Вы сами хорошо знаете, кто, как и за сколько.

Зеркальник надолго замер.

– Прошу воздержаться от цитирования ваших классиков, – сказал он наконец. – Гоголь утверждал, что Луну делают в Гамбурге, я поняла. Но мне приходится долго знакомиться с контекстом, а это осложняет переговоры.

– Извините.

– Конечно, мир морально несовершенен, – продолжал зеркальник. – Но он такой, как есть. И не все сводится к оплате, даже если она двойная или тройная. Важна оптика. У вас есть убедительная в моральном отношении причина, способная оправдать наше сотрудничество?

– Разумеется, – сказал Сердюков. – Психотерапия. Причем это чистая правда. Мне важен именно научный аспект.

– Поясните.

– Уголовные авторитеты хотят хорошо проводить время и готовы платить любые деньги. Но сам я буду ставить на вашем оборудовании научные эксперименты. Самые настоящие. Мало того, я мечтаю решить проблему, от которой страдает прежде всего ваша корпорация.

– Так, – сказал секретарь. – С этого места, пожалуйста, подробнее.

– Многие ученые считают, что пайкинг – это психическое отклонение, своего рода аффект, основанный на гипертрофированном пенетрационном импульсе. Вы знаете, почему он возникает?

– Почему?

Сердюков покраснел.

– Ну-ну, давайте, – попросил секретарь почти нежно. – Я знаю, что вы сейчас скажете.

– В Добром Государстве, как вы понимаете, таких исследований не проводят. Но ученые из Еврохалифата подозревают, что стремление к кровавому проникновению с убийством возникает у некоторых фем из-за воздействия имплант-коррекции на рептильный комплекс мозга.

– Слышала про такие теории, – кивнул зеркальник.

– Большинство исследований в этом направлении закрыто, но, если поискать, отчеты найти можно. Ученые считают, что это побочный эффект гендерной аффирмации. Коррективная подсветка женского мозга в одном случае из ста тысяч превращает фему в кровавую пси-

хопатку. Я говорю о пайкинге. С нашими заточницами вопрос сложнее, потому что это еще и феномен уголовной культуры, но корни следует искать там же.

– Знаете, – сказал секретарь, – я не думаю, что это по-настоящему плодотворный подход. Вы отказываетесь признавать новую межполовую реальность? Хотите вернуть патриархальное рабство? Отмотать назад века прогресса?

– Нет, совсем нет. Я хочу найти нечто вроде терапии.

– И как же?

– Статистика показывает, что большинство пайкерш, совершив несколько пенетрационных убийств, успокаиваются и больше не возвращаются к этим практикам. Возникает вопрос – что произойдет, если позволить кровавому пенетрационному импульсу проявиться в искусственной виртуальной среде? Дать ему, так сказать, выплеснуться? Рептильный мозг будет удовлетворен, и фема перестанет быть социально опасной.

– Вы в курсе, что никакого рептильного мозга в женской голове нет? – спросил зеркальник. – Это просто научный жаргон.

– Неважно, как мы это назовем, – сказал Сердюков. – Важно, что открывается возможность исцеления. В нашей ветроколонии есть все условия для экспериментов. Даже если они получат огласку, в худшем случае заговорят о психиатрических опытах. Об исследовании мозга на рептильном симуляторе. Эффект будет исключительно позитивный.

– Почему?

Сердюков наклонился к столу.

– Ваш обыватель решит, – сказал он шепотом, – что корпорация ищет способ спасти его от проблем с помощью опытов на русских заключенных. Давайте честно, разве это может кому-то у вас не понравиться? Я имею в виду, на самом деле?

– Только без цинизма. Вы правда собираетесь заниматься этими исследованиями?

– Да. И у меня есть требуемая научная квалификация.

– Каков ваш материальный интерес?

– Процент от общей оплаты, совсем небольшой. Но главное для меня – наука. Я, видите ли, один из тех, кто верит, что на изнанке зла можно найти добро.

– Понятно, – сказал зеркальник.

– Огласки в СМИ, скорей всего, не будет. Но если мы добьемся научного успеха, это станет огромной победой для вашей уважаемой корпорации. Подумайте только – найти терапию для пайкинга. Уйдет серьезная имиджевая проблема... Вернее, я понимаю, что никаких проблем у «TRANSHUMANISM INC.» нет – но исчезнет раздражающий медийный зуд.

– Вот этот тон мне нравится больше, – сказал секретарь. – Не бросаться обвинениями, а искать способ вместе трудиться на благо цивилизации. Что конкретно вы собираетесь делать во время опытов?

– Мы сведем наших кур с нашими петухами. Не в реальном мире, где все кончается кровавой расправой, а в виртуальном мезозое. Там, где у них будет возможность полного, так сказать, самовыражения. Посмотрим на терапевтические результаты.

Зеркальный секретарь закрыл глаза и ушел в себя. Сердюков догадался, что менеджер контактирует с низшим руководством корпорации – и почтительно замер на краешке стула.

Совещались долго. Сердюков заметил, что глаза зеркала остаются полуоткрытыми. Расширившиеся зрачки между ресницами были неподвижны, словно у трупа. Сердюков видел много трупов в ветроколонии и знал, как выглядят мертвые глаза.

Веки зеркального секретаря дернулись, он заморгал, зашевелился и улыбнулся.

– Одобрение в целом получено. Можем выделить два бокса из московского бутика, они старые, но работают. Разумеется, требование конфиденциальности. И полный доступ наших специалистов к результатам исследований.

– Конечно.

– Насчет оплаты я свяжусь позже. У вас есть какие-нибудь расчеты, обоснования? Материалы по программе? Нужно для руководства.

– Готова полная презентация, – ответил Сердюков. – Слить вам ролик? Сами увидите. И про кур, и про петухов, и про реабилитационную программу...

Зеркальник кивнул.

– И еще, – сказал Сердюков. – В «Юрасике» есть индивидуальный ящер-дизайн для состоятельных клиентов. Рептилия по эскизам заказчика. Это в нашем случае возможно?

– Отдельная оплата, – ответил зеркальник.

– Без вопросов, – расплылся в улыбке Сердюков.

* * *

– Пейте, – велел Ломас. Я отхлебнул коньяка.

– И сигарку. А то я вас плохо чувствую...

Вот так.

Я не без удовольствия пустил в потолок клуб белого дыма.

– Подведем итоги, – сказал Ломас. – Офицер жандармерии из ветроколонии, на которую указала мать Люцилия, едет в офис корпорации и получает два трип-бокса из «Юрасика». Понимаете, чем пахнет?

– Понимаю. Мезозой стучится в нашу дверь.

– Поправлю как епископ. К нам в гости стучится не мезозой. К нам идет ад.

– Обычно это слово используют метафорически.

– Сестры-кармелитки избегают метафор, – ответил Ломас. – Их следует понимать прямо. Ад ищет новое воплощение. Место преступления у нас есть. Но нет пока самого злодеяния. И непонятно, каким оно будет.

– Верно, – сказал я.

– Появились также первые подозреваемые, – продолжал Ломас. – Вы только что получили ответ на вопрос, кого из обитателей ветроколонии может выбрать демон Ахилла.

– Кого?

– Петуха.

Та же догадка осенила меня самого. Уже после того, как я задал вопрос, но до того, как Ломас произнес это слово вслух. Адмирал опять меня опередил.

– Именно. Петуха. С одной стороны, мужчина. С другой стороны, имплант-коррекция «Открытого Мозга» на него не действует – и дерется он не хуже фемы.

– Да, – согласился я. – Идеальный выбор.

– По данным финансовой разведки, мезозой-трип на девяносто процентов оплатил заключенный ветроколонии семьдесят два Кукер, – сказал Ломас. – Мы подняли его дело. Петух-отказник. Из последних могикан. Куры на него охотятся уже лет десять, все не могут убить. Он потому только в колонии и отсиживается. Так бы вышел давно.

– Он криминальный лидер?

– Скорее, патриарх. Петухарх, так сказать. В других ветроколониях есть более авторитетные петухи. Но Кукера уважают. Советуются. Раньше он держал общак. Связи остались, конечно. У него большие финансовые возможности.

Я кивнул.

– Надо понаблюдать за ним через имплант. Подключитесь через омнилинк и сформируйте представление.

– Сделаю, – сказал я. – А может, просто зачистить всех возможных кандидатов в демоны? У вас же есть канал связи с сердоболами.

– Я думал об этом, – ответил Ломас. – Но вряд ли сердоболы на такое пойдут. Во-первых, у них нет повода – а пересказывать им откровение сестер-кармелиток пока не хочется. Во-вторых, неизвестна степень влияния петухов на администрацию. Их финансовые возможности впечатляют. Они коррумпируют даже наш менеджмент.

– Это решаемые вопросы, – сказал я. – Мы можем зачистить кандидатов сами. Например, микродронами.

– Такой зачисткой мы не победим зло, а лишь уничтожим его потенциальный сосуд. Зло найдет другого носителя. Но оно насторожится, и мы об этом уже не узнаем. Гораздо умнее с самого начала держать ситуацию под контролем. Поэтому препятствовать капитану Сердюкову и Лауре я не буду.

Ломас, как всегда, видел дальше меня. Но у него и зарплата другая.

– Коррупция, – вздохнул я. – Везде в этом мире коррупция.

– Не везде, – ответил Ломас.

– А где ее нет?

– У вас в Добросуде.

– Вы серьезно?

– Конечно. Коррупция – это язва на здоровом теле. Девиация. А когда вместо здорового тела имеется одна большая язва, это уже не отклонение от нормы. Это такой социальный строй. И сегодня он стучится в нашу дверь вместе с мезозоем. Даже не знаю, какой стук громче.

– Проект одобрили наши старшие менеджеры.

Ломас поглядел на меня задумчиво. – Вы полагаете, они тоже в доле?

Закрыв глаза, он замер. Я понял, что он контактирует с кем-то из начальства.

– Нет, – сказал адмирал через пару минут. – наших технологов действительно интересует возможность психотерапии для лечения пайкинга. Организовать подобное самим сложно – преступницы или в тюрьмах, или на нелегальном положении. Сердюков пришлось кстати.

– Думаете, он может добиться успеха? Ломас пожал плечами.

– Увидим.

– Нужен контроль использования трип-боксов, – сказал я. – Кто, как, когда. По какой программе.

– Отличная мысль, – улыбнулся Ломас.

– Наверно, имеет смысл проследить за Сердюковым, пока он устанавливает трип-боксы в колонии. Можем услышать что-то интересное.

– Правильно мыслите. Потом переключайтесь на Кукера.

– Можно идти?

– Не спешите, – ответил Ломас. – Выпьем еще на посошок.

Я отсалютовал начальнику стаканом.

– Должен заметить, – сказал Ломас, – что на меня произвела впечатление история о возвышении петухов.

– Почему?

– Я смотрю на это как епископ. *Wer sich selbst erhöhet, der soll erniedriget werden...*² У Баха есть потрясающая кантата на эти слова. Как раз под коньячок.

В кабинете заиграла музыка. Грозно-взволнованные голоса хора казались излишне экзальтированными, но музыка была хороша.

– Возвышающее себя унижено будет, – повторил Ломас задумчиво, – униженное вознесется. При Бахе, обратите внимание, не было ни банок, ни этой инверсии высшего и низшего.

– Теперь в кантате больше смысла, – сказал я. – История ставит все по местам.

---

² Всякий возвышающий себя унижен будет, а унижающий себя возвысится. Лк 14: 11.

– Да, – ответил Ломас. – Low is the new high. Но этого мало. High is the new low. Про это в наше время тоже нужно помнить. Ваше здоровье!

* * *

Classified
Field Omnilink Data Feed 23/15 Маркус Зоргенфрей
P.O.R *Капитан Сердюков*

Бревенчатый кабинет начальницы лагеря майора Тони был жарко натоплен. Из угла хитровато шурился бюст климатолога Лукина с гипсовым коком над улыбающимся лицом. На стене висел портрет генерала Шкуро в крагах с факсимильным автографом:

СИБИРСКИМ КРУТИЛЬЩИЦАМ ОТ ВЕЧНЫХ ВОЖДЕЙ.

ША

Что такое это «ША» – инициалы Мощнопожатного (его вроде звали Александром) или приличествующее обстоятельствам междометие – сказать было трудно.

По сторонам от вождя висели учебные плакаты, изображающие правильную организацию ветродоения в исправительных заведениях: форма педальных рам, расстояния между крутильщицами, гендерная сепарация зон, пропеллерные вышки с разметкой – в общем, вся технология.

Майор Тоня встала навстречу вошедшему Сердюкову, хоть и была старше чином. Жандармов в Сибири уважали.

– Как съездили, Дронослав Маринович?

Сердюков с удовольствием оглядел ладную фигурку начальницы. Малиновый лампас, лайковые сапоги, осиная талия, португез с латунным ветряком, две кобуры на крутых бедрах – с пистолетом и нейродубинкой. Майор Тоня использовала последнюю крайне изобретательно, и не только с мужским полом, за что ее боялись даже самые матерые куры.

– Отлично, Антонина Надеждовна. Оборудование здесь?

– Доставили и развернули, – ответила майор Тоня. – У них сборщики такие интеллигентные, прямо как музыканты из филармонии. Я теперь главная специалистка. Три дня с установщиками провела. Мы вас еще позавчера ждали.

– Задержали научные дела, – сказал Сердюков сухо, как бы показывая, что дальнейшие расспросы неуместны.

Я знал, что его задержал запой – но ведь идеи приходят ученому в голову не просто так. За ними приходится нырять глубоко-глубоко, и погружения эти оплачиваются здоровьем. Сердюков, в общем, не врал.

– Хотите посмотреть? – спросила Тоня.

– Конечно. Где поместили?

– В соседнем корпусе. Одеваться будем?

– Да нет, – сказал Сердюков. – Пробежимся по холодку.

Холодок на самом деле был крепким сибирским морозом. По дороге Тоня пожаловалась на лагерные проблемы – завезли некондиционную смазку, цепи за ночь промерзают так, что с утра приходится разогревать паяльными лампами, а потом крутить до вечера в две смены без перерыва, чтобы не тратить зря время и керосин.

– В общем, – подвела итог раскрасневшаяся на морозе начальница, – сражаемся с энтропией. Давайте сперва мужской юнит проверим.

– Хорошо, – согласился Сердюков и вслед за Тоней нырнул в облепленную сосульками дверь бревенчатого барака с табличкой «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ».

– Вот, – сказала Тоня. – Красавец, да? Иммерсивный юнит из бутика «Юрасик» и правда был красив. Вернее, он показался бы красивым в другой обстановке. Здесь он смотрелся странно и даже тревожно.

Размерами и формой трип-бокс напоминал саркофаг. Пестротой раскраски – аттракцион из сомнительного в моральном отношении луна-парка: пальмы, заходящее солнце, летящие в небе метеоры и два занимающихся любовью ящера на фоне поваленной секвойи.

Рисунок, возможно, не отвечал научным представлениям – миссионерская поза не для рептилий. Зато рядом была панель управления самого серьезного вида. С сенсорным экраном, как на карбоновой хай-технике.

У стены недалеко от бокса стояла гигиеническая кабина с резиновым ковриком.

– Даже душ есть?

– Мыться перед сеансом, – сказала майор Тоня. – И особенно после. Говорят, обделаться можно от эмоций. А уж обкончаться – гарантированно. Персоналу поиграть разрешат?

– Это научный эксперимент, – ответил Сердюков. – Корпорация нам боксы не просто поиграться дала. Нужны будут результаты. Когда получим, будем веселиться.

Тоня сделала круглые глаза.

– И какие такие результаты вы собираетесь получать, Дронослав Маринович? Разве вы еще не получили?

– Простите?

– Вам денежка упала на кошелёк? Сердюков покраснел.

– Вы зачем про это сейчас вспоминаете? – спросил он шепотом.

– А чтобы вы расслабились, – пропела Тоня. – Денежка ведь не только вам, она еще в пять адресов прошла. Очень даже крупная. Всем все понятно. Не нужны никому исследования.

– Денежка денежкой, – сказал Сердюков, – а наука наукой. Для меня это репутация. Тут Нобелевкой пахнет, если получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.